

КЭТЛИН ГЛАЗГО
ВДРЕБЕЗГИ

До шестнадцати и старше

Кэтлин Глазго

Вдребезги

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Глазго К.

Вдребезги / К. Глазго — «АСТ», 2016 — (До шестнадцати и старше)

ISBN 978-5-17-102865-7

В свои семнадцать юная художница Чарли Дэвис, сбежавшая от жестокой матери, пережила больше, чем иной взрослый за всю жизнь. Пережила – и не сломалась. Не ушла в призрачный мир алкоголя или наркотиков, не скатилась на путь преступлений, не стала торговать собой, как множество ее менее сильных сверстников. Чего ей это стоило – знают лишь спрятанные под закрытой одеждой многочисленные шрамы. Однако Чарли упрямо борется с судьбой – устраивается на работу, ищет дом, веря в любовь и надеясь на удачу. Ведь даже если кажется, что весь мир против тебя – в нем все равно существует настоящая дружба...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102865-7

© Глазго К., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэтлин Глазго

Вдребезги

*Моей маме, М.Е.
и моей сестре, Уизи*

© Kathleen Glasgow, 2016

© Перевод. Я. Лошакова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Я никогда не смогу победить, мое тело слишком слабо.
Белли. «Стар»

Я была белой, как детеныш гренландского тюленя. Из-за плотных повязок предплечья напоминали тяжелые дубинки. Бедра также туго перебинтовали – белая марля выглядывала из-под шорт, которые медсестра Ава вытащила из коробки забытых вещей за постом медсестер.

Подобно сироте, я попала сюда без одежды. Сирота, завернутая в простыню и брошенная на лужайке больницы Ридженс посреди холодной снежно-ледяной крупы, в крови, пропитавшей ткань с цветочным узором.

Меня обнаружил охранник, окутанный облаком ментоловых сигарет и безвкусного кофе из автомата.

– Боже правый, девочка, что с тобой произошло? – спросил он.

Моя мать не пришла, чтобы забрать меня.

Тем не менее я помню звезды той ночью. Они рассыпались солью на небе, словно кто-то опрокинул солонку на очень темную скатерть.

Их нечаянная красота много значила для меня. Казалось, что это последнее, что я увижу перед тем, как умереть на холодной мокрой траве.

Девушки пытались меня разговорить. Они хотели знать о моей жизни:

– Так в чем дело, солнышко? Какая у тебя история, тюлень?

Каждый день я слушала их рассказы на занятиях в группе, за обедом, на творческих занятиях, за завтраком, за ужином, снова и снова. Слова, мрачные воспоминания выплескивались из них, не останавливаясь. Истории пожирали их заживо, выворачивали наизнанку. Они не могли замолчать.

Я же заглушала все свои слова. Мое сердце переполнялось ими.

Я жила в одной комнате с Луизой. Она была старше меня, ее волосы золотисто-рыжим бурлящим океаном ниспадали на спину. Ей не удавалось даже собрать их в пучок, в хвост резинками или заплести в косички – такие они были густые. От нее пахло лучше, чем от других девушек, которых я когда-либо знала; от ее волос веяло клубникой. Я могла бы вечно вдыхать этот аромат.

В мой первый вечер в больнице, когда Луиза переодевалась ко сну, она подняла блузку, и за мгновение до того, как ее непослушные волосы защитным капюшоном упали на спину, я увидела их... все... и глубоко вздохнула.

– Не пугайся, малышка, – сказала она.

Я не была напугана. Просто никогда не видела девушку с такой кожей, как у меня.

Мы были заняты каждую минуту. Вставали в шесть утра. В шесть сорок пять уже пили чуть теплый кофе или сок, разбавленный водой. Нам отводили полчаса, чтобы наскоблить сливочного сыра на бейгеле, по вкусу напоминавшего картон, или запихнуть в себя яйцо с бледным желтком, или проглотить овсянку с комками. В семь пятнадцать мы могли принять душ. В ваннах комнатах двери отсутствовали, и я не знаю, из чего там были сделаны зеркала, но это не стекло, и когда чистишь зубы или расчесываешь волосы, то очертания лица неясные и потерянные. Если кто-то хотел побрить ноги, то при этом должна была присутствовать медсестра или санитарка. Это никому не нравилось, и ноги у нас были волосатые, как у парней. В восемь тридцать начинались занятия в группе. Вот здесь-то все принимались выплескивать истории

и лить слезы, кто-то кричал или охал. Я, наоборот, просто сидела, а одна ужасная девушка из старших, Блю, с плохими зубами, каждый день повторяла:

– Ты будешь сегодня говорить, Молчаливая Сью? Я очень хочу послушать Молчаливую Сью, а ты, Каспер?

Каспер просила ее прекратить. Она предлагала нам сделать вдох, развести руки далеко-далеко в стороны и, подобно игре на аккордеоне, соединять их ближе, ближе, ближе, а потом разводите дальше, дальше, дальше; не правда ли, стало лучше просто от того, что мы делаем вдох? После занятий в группе – прием лекарств, потом отдых, обед, творчество и затем индивидуальное занятие – ты сидишь перед доктором и еще немного плачешь, затем в пять ужин, а значит, больше остывшей еды и больше Блю:

– Ты любишь макароны с сыром, Молчаливая Сью? Когда тебе снимут эти повязки, Сью?

Потом развлечения, после них время для телефонных звонков и опять слезы. И вот девять вечера – еще лекарства и время ложиться спать. Девушки жаловались и шипели по поводу расписания, еды, занятий в группе, лекарств – всего, но мне было все равно. Главное, что есть еда, постель, тепло и крыша над головой, и я в безопасности.

Меня зовут не Сью.

Джен С. – мулатка. Короткие, тонкие, как ветки, шрамы тянулись вниз и вверх по рукам и ногам. Она носила яркие спортивные шорты и ростом была выше всех нас, кроме доктора Дули. Джен вела воображаемый баскетбольный мяч взад и вперед по коридору с бежевыми стенами и забрасывала его в невидимое кольцо. Фрэнси – подушка для иголок в человеческом обличье: она протыкала свою кожу швейными иглами, спицами, булавками – словом, всем, что могла найти. У нее был злобный взгляд, и она плевала на пол. Саша – толстушка, наполненная водой: она плакала на занятиях в группе, за столом, в своей комнате. Ее не высушить уже никогда. Саша вскрывала себе вены: ее руки изрешечены еле заметными красными линиями, глубоко она не резала. Айсис обжигала себя, ее руки усеяны бугорками округлой формы, покрытыми струпами. На занятиях в группе что-то говорили про веревку, двоюродных братьев и подвал, но я себя изолировала от этого и включила громче свою внутреннюю музыку. Блю со своей болью напоминала пеструю птицу, тут всего понемногу: плохой папаша, зубы, испорченные метамфетамином, сигаретные ожоги, порезы от лезвий. Линда/Кейти/Каддлз носила бабушкины халаты. Ее тапки воняли. Ее было так много, что не уследить – ее шрамы все внутреннее, и монстры тоже. Я не понимала, почему Линда с нами. За ужином она размазывала картофельное пюре по лицу. Иногда ее рвало без причины. Даже когда она совсем не двигалась, я понимала, что внутри у нее происходит много нехорошего.

На улице я была знакома с такими, как она. Я держалась от нее подальше.

Порой мне трудно дышалось в этом проклятом месте; как будто в груди был насыпан песок. Я не понимала, что происходит, – слишком долго жила в холоде, на улице. Не осознавала, что есть чистые простыни, пахнущее свежестью одеяло, еда, расставленная передо мной в столовой, волшебная и теплая. Я начинала паниковать, тряслась, задыхалась, забивалась в угол комнаты, и Луиза подходила ко мне очень близко. Ее дыхание пахло мятным чаем, она обхватывала мои щеки ладонями – даже от этого прикосновения я вздрагивала.

– Здесь все свои, малышка, – говорила она.

В комнате было чересчур тихо, поэтому ночью я гуляла по коридорам. У меня болели легкие. Я медленно ходила.

Вокруг слишком бесшумно. Я подолгу водила пальцем по стенам. Я знала, что мне планируют давать снотворное, как только раны заживут, и отменить прием антибиотиков, но не хотела этого. Мне нужно было бодрствовать и осознавать происходящее.

Он мог быть где угодно. Он мог быть здесь.

Луиза выглядела как королева. На этот раз она здесь насовсем.

– Да ради бога, я тут самая первая проклятая пациентка, они только открылись, когда я сюда поступила, – говорила она мне.

Она все время что-то писала в черно-белой толстой тетради, и никогда не ходила на занятия в группе. Большинство из нас носили легинсы и футболки, мешковатую одежду, но не Луиза – она наряжалась каждый день: черные колготки, лаковые балетки, гламурные платья из секонд-хенда в стиле сороковых годов, прически, каждый раз новые и неожиданные. У нее имелись целые чемоданы, набитые шарфами, прозрачными ночными рубашками, тональными кремами, кроваво-красными помадами. Луиза напоминала гостя, который не планирует уезжать.

Она сообщила мне, что поет в группе. И тихо добавила:

– Но я сильно нервничаю. Эта проблема мне сильно мешает.

У Луизы на животе ожоги, похожие на круги, заключенные друг в друга. На внутренней стороне рук – следы от порезов в форме корней. Ее ноги в аккуратных ровных узорах от ран и ожогов. Спина покрыта татуировками.

Каждое занятие Каспер начинала одинаково. Упражнение «аккордеон», дыхание, растяжка шеи, наклоны вперед с касанием носков. Каспер – хрупкая и нежная. Она носила эль-фийские сабо на невысоких каблуках. У остальных докторов была обувь, пронзительно бряцавшая и издававшая много шума, даже на ковровом покрытии. Каспер бледная, с большущими округлыми и самыми голубыми глазами. Она очень добрая.

Окинув нас взглядом, она мило улыбалась и произносила:

– Ваша задача здесь – вы сами. Мы тут все работаем над тем, чтобы стать лучше, не так ли?

Что означает: все мы в настоящий момент – дерьмо.

Но мы это уже поняли.

На самом деле ее зовут не Каспер. Так ее называют из-за этих огромных голубых глаз и еще потому, что она мягкая. Иногда по утрам она появлялась рядом с кроватями, словно привидение, чтобы заполнить медицинские карточки. Ее теплые пальцы спускались вглубь от края повязки всего на дюйм или около того, чтобы измерить мой пульс. Когда она смотрела на меня сверху вниз, у нее появлялся прелестный второй подбородок.словно привидение, она неожиданно возникала в коридоре сзади меня, и когда я удивленно оборачивалась, она спрашивала с улыбкой:

– Как дела?

В ее кабинете в огромном аквариуме жила толстая медлительная черепаха, которая гребла и гребла, гребла и гребла, едва ли делая в этом успехи. Бедная чувиха, я все время смотрю, как она это делает. Я могла бы наблюдать за ней часами и днями напролет: она необыкновенно терпеливо выполняла задачу, которая в итоге ни к чему не приводила, потому что ей ведь не светит выбраться из чертова аквариума в ближайшее время, так?

А Каспер просто смотрела, как я наблюдаю за ней.

Каспер приятно пахла. Она всегда была чистая, ее одежда еле слышно шуршала. Она никогда не повышала голос. Когда Саша задыхалась от рыданий, она гладила ее по спине. Расставив руки, как вратарь, она защищала Линду/Кейти/Каддлз, когда один из монстров рвался на свободу. Я даже видела ее в комнате Блю, в тот день, когда Блю получила большущую коробку книг от своей матери: Каспер листала книги и улыбалась Блю. И я увидела, что от ее улыбки Блю немного смягчилась, самую малость.

Каспер должна была быть мамой. Она должна была быть *моей* мамой.

У нас всегда горел свет. Небольшие, но яркие импульсные светильники на стенах в каждой комнате включались в четыре часа дня и гасли в шесть утра. Луиза не любила свет. Каждый вечер перед сном она плотно задергивала шторы из грубой ткани, чтобы в окно не попадали

желтые прямоугольники света от офисного здания по соседству. Вдобавок она накрывалась с головой.

Однажды вечером, как только она заснула, я скинула одеяло и раздвинула шторы. Может, я искала рассыпавшиеся солью звезды. Не знаю.

Я писала в металлический унитаз и наблюдала за Луизой – безмолвный бугор под кучей одеял. В странном зеркале отражение моих волос похоже на змей. Я сжимала в руке спутанные волосы и дреды. Они до сих пор пахли грязью, бетоном, пылью и чердаком, меня тошнило от этих запахов.

Как долго я здесь находилась? Я приходила в себя от чего-то. От какого-то места. Мрачного места.

Коридорные лампы напоминали оживленные длинные реки. Мимоходом я бросила беглый взгляд в комнаты. Блю единственная не спала, она держала книгу как можно выше к импульсному светильнику, чтобы видеть текст.

Никаких дверей, ламп, стекол, бритв, только мягкая еда, которую можно есть ложкой, и чуть теплый кофе. Чтобы невозможно было нанести себе повреждения.

Барабанила пальцами по столу, я ждала, что кто-нибудь наконец появится у стойки медсестер; я чувствовала досаду и раздражение. Позвонила в маленький звонок. Громкий противный звук раздался в тишине коридора.

Барберо появился из-за угла с набитым ртом, он жевал что-то хрустящее. Увидев меня, он нахмурился. У Барберо толстая шея – он бывший рестлер из Меномини. От него все еще исходил еле уловимый запах мази и пластыря. Барберо нравились только красивые девушки. Я знала это, потому что Джен С. очень красивая – длинные ноги, нос в веснушках, и ей он всегда улыбался. Она единственная, кому он вообще улыбался.

Он закинул ноги на стол и засунул в рот пару картофельных чипсов.

– Ты, – сердито проговорил он, и соленые крошки полетели изо рта на синюю медицинскую форму, – какого черта тебе понадобилось так поздно?

Я взяла блок стикеров и ручку со стойки и быстро написала. Показала ему. «КАК ДОЛГО Я УЖЕ ЗДЕСЬ НАХОЖУСЬ?»

Он посмотрел на стикер. Покачал головой:

– Не-а, спроси нормально.

Я написала: «НЕТ. СКАЖИ МНЕ».

– Ничем не могу помочь, Молчаливая Сью, – Барберо скомкал пакет из-под чипсов и выбросил в корзину для мусора. – Тебе придется открыть этот испорченный маленький ротик и заговорить, как большая девочка.

Барберо считал, что я его боюсь, но это не так. Был только один человек, которого я боялась, но он находился далеко, на противоположной стороне реки, и здесь он не мог меня достать.

Я думала, что здесь он меня не достанет в любом случае.

Еще один стикер. «БОЛВАН, ПРОСТО СКАЖИ МНЕ». И все же мои руки немного тряслись, когда я показала ему это.

Барберо засмеялся. Чипсы застряли у него между зубами.

Искры пронеслись у меня перед глазами, и музыка внутри включилась на полную громкость. Я отошла от поста медсестер, моя кожа онемела. Хотелось бы дышать так, как говорила Каспер, но я не могла, со мной это не работало: стоило мне разозлиться – и в голове включалась эта музыка. Кожа больше не немела, но сильно чесалась, а я тем временем блуждала, блуждала и искала глазами, наконец, нашла пост и пошла обратно. Барберо больше не смеялся. Он летел головой вперед, ругаясь:

– Вот дерьмо!

Пластиковый стул отлетел от стойки. Стакан и ручки с приклеенными искусственными цветами упали на пол и веером рассыпались по бесконечному бежевому ковровину. Он повсюду, бескрайний бежевый ковролин. Я пнула стойку, и мне стало больно, потому что на мне не было обуви, но это оказалось здорово – чувствовать боль, и я продолжила пинать. Барберо уже встал, но я снова схватила стул, а он выставил руки:

– Довольно. Успокойся, ты, чокнутая!

Но он говорил очень мягко. Как будто теперь, может быть, он немного боялся меня. И я не знала почему, но это злило меня еще больше. Я снова подняла стул, и в этот момент появился доктор Дули.

Когда Каспер огорчалась из-за меня, то не подавала вида. Она просто смотрела на меня, я смотрела на черепаху, а черепаха занималась своим делом. Хотелось бы мне быть на ее месте, под водой, в тишине, никого вокруг. Какая же безмятежная жизнь у этой черепахи...

– Вчера вечером ты спрашивала Брюса, так вот: ты провела шесть дней в медицинском центре Крили. Тебе оказывали помощь и оставили для наблюдения еще на неделю, перед тем как перевести сюда. Ты знаешь, что у тебя была атипичная пневмония? Скажем так, ты еще не совсем выздоровела, но антибиотики должны помочь, – сообщила Каспер.

Она взяла что-то объемное со стола и пододвинула ко мне. Это был один из тех настольных календарей. Я не совсем понимала, что в нем ищу, но потом увидела сверху страницы.

Апрель. Середина апреля.

Каспер произнесла:

– Ты пропустила только Пасху, так как лежала в Крили. Немного отстала от нас, но ничего важного без тебя не произошло. Мы не можем позволить гигантскому зайцу скакать по психиатрическому отделению, правда же? – Она улыбнулась. – Извини, немного терапевтического юмора. И все же мы тут поохотились за пасхальными яйцами. День благодарения у нас проходит гораздо веселее: пересушенная индейка, подливка с комками. Славные времена.

Я знала, что она хотела подбодрить меня, вызвать на разговор. Я обернулась к ней, но как только мы встретились глазами, я ощутила это проклятое жжение в глазах и отвернулась к дурацкой черепахе. И почувствовала, как неожиданно выбираюсь и снова погружаюсь в свой мрак.

Каспер подалась вперед:

– Ты вообще не помнишь себя здесь, в Рижденс?

Я помнила охранника.

Помнила свет ламп надо мной, ярких, как несколько солнц, пищащий звук, которому, казалось, не будет конца. Помнила, как хотелось брыкаться, когда меня держали и срезали мою одежду и обувь. Помнила тяжесть в легких, как будто они были наполнены грязью.

Я помнила, как очень боялась, что Проклятый Фрэнк появится в дверях, чтобы забрать меня назад в Сид Хаус, в комнату, где плачут девушки.

Помнила, как плакала. Как меня вырвало, и я испачкала туфли медсестры, помнила ее выражение лица, которое не изменилось ни на йоту, как будто такое случалось с ней постоянно; я хотела взглядом показать ей, что сожалею, потому что не находила слов, но и тогда ее лицо не дрогнуло.

Потом ничего. Ничего. До встречи с Луизой.

– Это не страшно, что ты не можешь вспомнить. Наше подсознание невероятно подвижно. Порой оно отключает нас, что-то вроде защитного механизма. Надеюсь, что я понятно объяснила, – сказала Каспер.

Хотела бы я знать, как ей сообщить, что мое подсознание сломалось, потому что оно ни разу не отключило меня, когда Проклятый Фрэнк мне угрожал или когда мужчина пытался обидеть меня в подземном переходе.

Мой сломанный большой палец пульсировал под шиной и странным ботинком, в который засунул меня доктор Дули. Когда я ходила, ей-богу, выглядела как безумный хромоу уродец – гнездо волос на голове, руки-дубинки, перебинтованные ноги.

Что со мной будет дальше?

– Думаю, тебе нужно какое-нибудь дело, – предположила Каспер.

Это неправда, что я хотела быть одинокой черепахой. Правда в том, что я мечтала о возвращении Эллис, но она никогда больше не вернется, никогда. В любом случае, уже не той, что была раньше. Правда и то, что я скучала по Майки и по Малышу Дэнни, и даже по Эвану и Дампу. Иногда я скучала по матери, даже если это чувство скорее похоже на злобу, чем на грусть. То же самое я испытывала, когда думала об Эллис, и даже это не совсем правдиво, потому что под грустью я на самом деле подразумевала черную дыру внутри меня, полную гвоздей, камней, битого стекла и слов, которых у меня больше нет.

Эллис, Эллис.

И хотя это правда, что я носила одежду из коробки забытых вещей, утверждать, что у меня ничего нет, было бы неверно, потому что у меня имелось кое-что, но они прятали это от меня. Мне показали его всего один раз: однажды вечером я смотрела фильм, и доктор Дули попросил меня подойти к посту медсестер. Когда я пришла туда, он достал из-под стола рюкзак – мой рюкзак. Дули очень высокий и красивый, такой красотой, что наделяет ее владельца уверенностью в собственной привлекательности. Это делает его жизнь намного проще, и он старается относиться ко всем нам, некрасивым, со снисхождением. Поэтому когда он произнес:

– Двое мальчишек подбросили это. Тебе он знаком? – Я была очарована его бархатистой щетиной и на мгновение ослепла от белозубой улыбки.

Я быстро схватила свой рюкзак, опустила на колени, открыла его и сунула руки внутрь. Она была там. Бережно прижав ее к груди, я вздохнула с облегчением, потому что доктор Дули сказал:

– Не волнуйся, мы вынули содержимое.

Я взяла ее в руки – это была армейская аптечка. Я купила ее, когда мне было четырнадцать, и мы с Эллис прочесывали секонд-хенд Сент-Винсент де Пол на Западной Седьмой стрит. Металлическая коробка была с вмятинами, большой красный крест на крышке поцарапан, и краска уже облезала.

Я хранила в ней все: мои мази, бинты, осколки стеклянной банки в бархатном мешочке, сигареты, спички и зажигалку, пуговицы, браслеты, деньги, мои фотографии, обернутые в льняную ткань.

Я потрясла коробку – тишина. Я сунула руку глубже в зеленый рюкзак, но там тоже было пусто и темно. Исчезли носки и сменное белье, рулоны туалетной бумаги, контейнер для фото-пленки с мелочью, пилюли в пакете, туго свернутое шерстяное одеяло. Не было и моего альбома с рисунками, ручек и угольных грифелей. Пропал фотоаппарат «Лэнд». Я взглянула снизу вверх на доктора Дули.

– Нам пришлось все вынуть, для твоей же безопасности.

Он протянул мне руку, даже руки его были прекрасны: тонкие пальцы и отполированные ногти. Я, проигнорировав этот жест, поднялась сама, вцепившись мертвой хваткой в аптечку и рюкзак.

– Ты должна отдать их мне. Мы сохраним все и отдадим тебе при выписке.

Он протянул руку и вытащил у меня рюкзак и аптечку, поместив их за стойку.

– Но ты можешь оставить это при себе.

Доктор Дули сунул мне в руки прямоугольный кусок льняной ткани. Мягкий лоскут сохранил в целости наши фотографии: мы с Эллис, Майки и Малыш Дэнни, прекрасные и неразлучные, до того, как все полетело к чертям.

Я направила к себе, прижимая к груди фотографии, доктор Дули окликнул меня:

– Те мальчишки, они сказали, что сожалеют.

Я пошла дальше, но внутри, лишь на мгновение, я почувствовала нерешительность.

Следующим вечером, после несчастного случая с большим пальцем ноги, пришла Джен С. и застала меня за просмотром фотографий: с той жадностью, с какой я всегда думала об Эллис, когда позволяла себе. Я погрузилась в черно-белые фотографии нашей четверки – снимки на кладбище, мы дурашливо позируем, изображая рок-звезд, с сигаретами, зажатыми в углу рта; заячья губа Малыша Дэнни почти незаметна, прыщи Эллис едва различимы. Малыш Дэнни всегда говорил, что на черно-белых снимках люди получают удачнее, и был прав. Фотографии маленькие и квадратные – старый фотоаппарат «Лэнд» где-то из шестидесятых годов, первый наподобие «Поляроида». Мне подарила его бабушка. Он с мембраной, и я чувствовала себя крутой. Пленку мы отыскивали в фотомагазине при колледже Макалестера. Это был какой-то картридж, который вставлялся внутрь камеры, затем делалась фотография, отрезок пленки вытягивали сбоку и включали небольшой круглый таймер. Как только таймер жужжал, пленку извлекали, и вот они мы, опрятные, на черно-белой фотографии в стиле ретро, Эллис такая красивая с черными волосами. И рядом я, маленькая тихоня, руки скрещены на груди, дырявый свитер, жидкие волосы, выкрашенные в синий и красный в реальном цветном мире, выглядят серыми. Ведь любая бы выглядела ужасно рядом с Эллис...

– Круто.

Джен С. наклонилась ко мне, но я завернула фотографии обратно в ткань и задвинула их под подушку.

– Шизоид, – вздохнула она. – Ладно, не важно. Пойдем, Барберо ждет тебя в комнате отдыха. У нас для тебя сюрприз.

В комнате отдыха все еще витал запах попкорна после просмотра кино, на круглом столе пустая миска из-под него. Джен облизнула палец и провела по миске, слизывая остатки соли и затвердевшего масла. И прихрюкнула. Барберо скривил свои мягкие губы.

– Шумахер, – произнес он. – Ты меня сразила наповал.

Джен пожала плечами, вытирая мокрый палец о край мешковатой зеленой футболки.

Она порылась в одном из ящиков со всякой всячиной в поисках любимой колоды карт. В комнате отдыха разноцветные ящики были нагромождены друг на друга у стены цвета слоновой кости. Внутри лежали игральные карты, потрепанные коробки с карандашами, маркеры, игры.

Ряд из трех компьютеров стоял у стены. Барберо включил один из них и показал мне пальцем «прочь», пока сам вводил пароль.

– Смотри сюда, чокнутая.

Барберо кинул мне брошюру. Я наклонилась, чтобы поднять ее. Он печатал. «КУРСЫ АЛЬТЕРНА. ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО» – появилась надпись на странице.

– Добрый доктор считает, что тебе нужно чем-то заниматься, чтобы обуздать приступы гнева, которые, судя по всему, у тебя случаются часто, а также твою странную привычку не спать по ночам. Так что, похоже, ты возвращаешься в школу, тупица.

Я перевела взгляд на Джен С. Она расплылась в улыбке, перетасовывая карты.

– Я буду твоей учительницей, – хихикнула она.

Барберо щелкнул пальцами у моего лица.

– Со-средоточься. Я здесь! Здесь.

Я пристально посмотрела на него.

Барберо побарабанил пальцами.

– Итак, дело вот в чем: ты будешь посещать только школьный сайт. Нельзя заходить в свои аккаунты в «Фейсбуке», «Твиттере», в почту – никуда, кроме школьных материалов. Шумахер, твоя подруга, вызвалась быть твоей учительницей, и она будет проверять твои тесты и остальную ерунду в конце каждого урока.

Он посмотрел на меня. Я не сводила с него глаз.

– Ты не хочешь этого, – сказал он, – добрый доктор говорит, что тебе придется принимать снотворное, чтобы спать, и у меня такое чувство, что ты и этого не хочешь. Она предпочитает, чтобы ты сидела тут, а не шаталась по коридорам, как ты делаешь. Потому что это очень странно.

Я не хотела принимать лекарства, тем более ночью, когда мне особенно страшно и я должна быть начеку. Доктора пичкали меня ими с тех пор, как мне исполнилось восемь лет, и до тринадцати. Риталин на меня не действовал. Я кидалась на стены и втыкала карандаши в жирный, похожий на облако живот Элисон Яблонски. После приема аддерола я наложила в штаны в восьмом классе; мама держала меня на домашнем обучении до конца учебного года. Она оставляла мне обед в холодильнике под прозрачной пленкой: сэндвичи с пористым мясным рулетом, яичный салат с неприятным запахом на пропитанном влагой тосте. Золофт – после него я чувствовала, будто проглотила очень сильно сжатый воздух, и не могла его выдохнуть в течение нескольких дней. Многие девушки здесь сидели на лекарствах, они принимали стаканчики с таблетками с отвратительной покорностью.

Я сидела в кресле и печатала свое имя в поле «ВВЕДИТЕ ВАШЕ ИМЯ».

– Хороший выбор, чокнутая.

– Господи, Брюс, – сказала раздраженно Джен. – Ты что, пропустил занятие в медицинской школе, когда вам рассказывали про врачебный такт?

– Я проходил взаимоотношения врача с больными, детка. Дай знать, когда захочешь испытать на себе.

Он плюхнулся на коричневый потрепанный диван и достал айпод из кармана.

На одной стороне комнаты отдыха располагалось окно во всю стену. Шторы были открыты. На улице темно, больше десяти вечера. В нашем крыле четыре этажа; я слышала, как машины со свистом проносятся мимо по мокрому асфальту Риверсайд-авеню. Если бы я начала учиться, Каспер была бы рада за меня. В последний раз, когда я ходила в школу, меня вышвырнули в середине предпоследнего класса средней школы. Как будто это было в прошлой жизни.

Я всматривалась в экран, пытаюсь прочесть абзац, но все, что я там видела, – это надписи каракулями «уродина» и «трусливая мразь» на двери моего шкафчика. Я ощутила во рту резкий вкус воды из унитаза, почувствовала, как вырываюсь, но меня держали за шею и смеялись. Руки начало покалывать, а в груди стало тесно. После того как меня выгнали из школы, все покатило под откос. Стало еще хуже, чем раньше.

Я окинула взглядом комнату отдыха. Словно суетливая маленькая мышь, мысль о том, кто платит за это угощение, маячила в моей голове, но я гнала ее прочь. Моя мать годами готовила мясной рулет с луком и кетчупом и горькой картофельного пюре на гарнир на ужин, еще до того, как и это ушло из моей жизни. Мы не были обеспеченными; мы из тех, кто ищет мелкие монеты на дне кошельков и рюкзаков и ест пустую лапшу с маслом четыре вечера в неделю. Мысли о том, за чей счет я здесь, пугали меня и заставляли беспокоиться.

«Я внутри, в здании, в тепле, и я могу учиться, если это необходимо, чтобы остаться здесь», – думала я. Сейчас только это было важно. Чтобы остаться здесь, нужно следовать правилам.

Пальцы Джен быстро перемешивали и двигали карты. Звук был похож на птиц, спешащих к свободному дереву.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Каспер.

Она каждый день спрашивала меня об этом. Раз в неделю то же самое спрашивали другие – иногда доктор Дули, когда он работал в дневную смену, или доктор со скрипучим голосом и туго убранными волосами, которая наносила тушь на глаза густым слоем. Кажется, ее звали

Хэлен. Мне она не нравилась; от нее становилось холодно внутри. По воскресеньям, один раз в неделю, никто нас не спрашивал о самочувствии, и некоторые ощущали себя потерянными.

– Чувства переполняют меня! Мне нужно, чтобы кто-то услышал о моих ощущениях! – с издевкой говорила Джен С.

Каспер ждала. Я оправдала ее надежды – приняла решение.

Я написала о своих чувствах и толкнула бумагу через стол Каспер.

«Мое тело постоянно горит, сжигая меня день и ночь. Мне нужно остановить этот накал. Когда я привожу себя в порядок, моюсь и латаю себя, чувствую себя лучше. Я ощущаю прохладу и спокойствие внутри. Такое же ощущение возникает, когда трогаешь мох, растущий глубоко в лесу».

Кое-что я не написала: мне очень одиноко в этом мире, и я хочу содрать с себя плоть, оставить только кости и хрящи и идти прямо к реке, чтобы она проглотила меня, как случилось с моим отцом.

До того как папа совсем заболел, он брал меня с собой в длительные поездки на север страны. Мы парковали машину и шли вглубь по тропинкам среди благоухающих сосен и пышных елей, так далеко, что иногда казалось, будто наступила ночь – многочисленные кроны деревьев загораживали небо. Я тогда была еще маленькой и часто спотыкалась о камни, приземляясь на холмики мха. Я навсегда запомнила прикосновение холодного успокаивающего мха на своих пальцах. Отец мог долго идти.

– Я просто хочу побыть в тишине, – говорил он.

И мы все продолжали идти в поисках тихого места. В лесу не настолько бесшумно, как обычно думают люди.

После того как он умер, моя мама, словно краб, спрятала все внутри себя, от нее остался только панцирь.

Каспер закончила читать, она аккуратно сложила бумагу и засунула в папку на столе.

– Прохладный мох, – улыбнулась она. – Не самое плохое ощущение. Если бы только мы могли помочь тебе ощущать это без попыток нанести себе вред. Как нам это сделать?

Каспер всегда оставляла для меня чистые листы на столе. Я писала, поддвигала листы к ней. Она морщила лоб. Вытаскивала папку из ящика и вела пальцем вниз по странице.

– Нет, я не вижу альбома с рисунками в списке вещей из твоего рюкзака.

Она посмотрела на меня.

Я издала негромкий звук. Там, в альбоме, было все – мой собственный маленький мир. Я рисовала Эллис, Майки, короткие комиксы о себе, об улице, об Эване и Дампе.

Я почувствовала, как дрожат мои пальцы. Мне просто необходимо рисовать. Мне нужно было похоронить себя. Из меня опять вырвался негромкий звук.

Каспер закрыла папку.

– Я поговорю с мисс Джонни. Посмотрим, что она сможет сделать.

Мой отец – это сигареты и пиво в красно-белых банках. Это грязные футболки белого цвета и коричневое кресло-качалка, голубые глаза и колючая щетина на щеках, это «Ой, Мисти», когда мама неодобрительно смотрела на него. Он днями напролет не вылезал из того кресла, я сидела на полу у его ног, а он рисовал пастелью, карандашами или ручкой – солнце, дома, кошачьи морды. Он мог несколько дней не менять футболки, молчать или порой слишком много смеяться. Это был странный смех, который надламывал его изнутри, пока не превращался в плач; по моему лицу тоже текли слезы, когда я забиралась на него, и мы качались вперед-назад, вперед-назад, только биения сердец, пока не наступал вечер и мир не стучал краски вокруг нас.

– Ты такая молчаливая. Я рада, что они поселили тебя со мной. Ты не представляешь, как это утомительно – постоянно слушать, как кто-то говорит, – произнесла Луиза.

Она долгое время лежала молча, и я думала, что она спит.

– Ты знаешь, что я разговариваю с тобой? Я имею в виду – мысленно. Рассказываю тебе разные вещи, потому что, похоже, ты хороший слушатель. Но мне не хочется занимать все твои мысли. Если ты понимаешь, о чем я, – сказала она.

Она издала сонное «ммммм». Потом добавила:

– Я расскажу тебе свою историю от начала до конца. Ты славная, умеешь держать слово.

Славная, умеешь держать слово, славная, умеешь держать слово – детская песенка девочек, которая наносит себе раны.

На занятиях в группе Каспер не любила, когда мы говорим «резать», или «порез», или «поджигать», «колоть». Она говорила, не важно, что вы делаете или как вы это делаете, это не имеет значения. Вы можете пить, кромсать куски, сидеть на метамфетаминах, нюхать кокаин, поджигать, резать себя, втыкать острые предметы, оставлять глубокие порезы, выдирать ресницы или заниматься сексом до крови – это все одно и то же: причинять себе вред.

Каспер объясняла: если кто-то вас обижает, заставляет переживать, чувствовать себя униженной или грязной, следует прислушаться к голосу разума и осознать, что этот человек сволочь или психопат, заслуживающий расстрела или виселицы, и нужно держаться от него подальше. Вместо всего этого вы принимаете жестокость в свою душу и странным образом обвиняете и наказываете самих себя. Как только вы начинаете себя резать, жечь или заниматься сексом из-за того, что вам плохо и вы думаете, будто ничего не стоите, ваш организм таинственным образом выделяет это приятное дерьмо под названием эндорфины – вам так здорово, мир становится похож на сахарную вату на лучшей и самой красочной городской ярмарке в мире, только кровавый и полон заразы. Но самое печальное то, что однажды начав наносить себе вред, вы уже не воспринимаете себя никем, кроме гадкого уродца, потому что теперь все ваше тело – это поле битвы, покрытое рубцами и ожогами. Девушкам такое не к лицу, никто не полюбит вас такими, и потому все мы, каждая из нас попала в беду, внутри и снаружи. Постирать, прополоскать, и все по новой.

Я старалась следовать правилам. Старалась находиться там, где мне необходимо быть в назначенный час. Сидеть, изображая паиньку, даже если я все время молчала, потому что казалось, что в горле полно гвоздей. Я следовала правилам, потому что если бы я их нарушила, рисковала оказаться НА УЛИЦЕ.

Когда доктор Дули сказал мне, что двое парней подкинули рюкзак? Эти парни, полагаю, раз или два спасли меня. И когда он сказал, что они просили передать, что очень сожалеют? Я думала об этом.

Эван и Дамп. Сожалели ли они о том, что спасли меня от того мужчины в подземном переходе, который пытался ко мне приставать? Сожалели ли они о том, что когда в Миннесоту пришла очень холодная зима, мы не могли втроем жить у Проклятого Фрэнка? Я заболела. Продолжать жить в фургоне было невозможно. Эвану требовались наркотики. Дамп везде следовал за Эваном. Сожалели ли они о том, что я отказалась дать Проклятому Фрэнку то, что он желал? (То, что он требовал от всех девушек, которые хотели остаться в Сид Хаус.) Сожалели ли они о том, что не позволили мне умереть на чердаке в Сид Хаус?

Сожаления, сожаления, сожаления, сожаления, сожаления, сожаления, сожаления, сожаления...

Это слово я заглушила тоже, но оно продолжает возвращаться назад, разрастаясь, становясь сильнее и злее.

Луиза пропускала занятия в группе. Она разговаривала с Каспер по вечерам. Ей звонили поздно вечером, она прислонялась к стене в комнате отдыха, перебирала пальцами телефон-

ный провод и изящно водила носком блестящей балетки по ковру. Луиза могла приходить и уходить, когда ей вздумается, ей не нужен был дневной пропуск.

– Хочу сказать тебе, ты ведь не такая, как мы, ты же понимаешь? Посмотри вокруг. Эти простыни, кровать, наши лекарства, врачи. Здесь все выглядит дорого. Ты меня слушаешь? – шептала Луиза из темноты.

Она перевернулась и облокотилась на руку, чтобы видеть мое лицо. Ее кровать скрипела. В полумраке ее глаза выглядели овальными и как будто подведенными снизу.

– Я просто хочу сказать, тебе нужно быть к этому готовой.

Но я позволила ее словам скользить по мне, они мягкие и теплые. Она отвернулась. Деньги, деньги. Я не хотела думать о том, откуда они берутся или не берутся.

Я просто хотела, чтобы она снова уснула и дала мне возможность съесть сэндвич с индейкой, который я спрятала под кроватью.

Дверь со свистом распахнулась. Каспер проскользнула в комнату групповых занятий и села рядом с Сашей, которая улыбалась ей, как щенок. На Каспер были коричневые брюки и ее эльфийские сабо. Волосы соломенного цвета заправлены под красную бандану, напоминающую головную повязку. Серьги в форме луны, розовые румяна – она как чертова радуга.

Интересно, какой она была в старших классах. Наверняка прилежной, такой тип девченок, прижимающих учебники к груди, всегда с красивыми причесанными волосами, закусывала губу, когда писала контрольную. Возможно, ее фото было в ежегодном альбоме выпускников, или она посещала математический кружок или дискуссионный клуб.

Но существовало еще что-то, нечто, находящееся под чистой наружностью Каспер, недоступное взгляду, словно затаенная боль, деликатная тайна или что-то в этом роде, иначе зачем она посвятила нам свою проклятую жизнь?

Она раздала бумагу и маркеры, и мы напряглись. Когда нам приходилось писать, мы знали, что занятие будет тяжелым. Она попросила положить маркеры и бумагу на пол, и мы сделали упражнение «аккордеон». Я не могла сосредоточиться. Смотрела на настенные часы; мне нужно было уйти раньше. Наконец мне должны снять повязки. При мысли об этом в животе все переворачивалось.

– Напишите, пожалуйста, что вы говорите себе перед тем, как нанести себе вред, – просила Каспер.

Блю тяжело и громко вздыхала, облизывала губы, напрягала голые ступни. Она никогда не надевала обувь. Три серебряных кольца поблескивали на пальцах ног. Когда мы сидели в кругу, она выглядела такой же юной, как все мы, но на близком расстоянии, за ужином или в комнате отдыха можно было увидеть глубокие морщины в уголках ее глаз. Я не рисовала уже целую вечность, практически никогда не ходила на творческие занятия, и когда я смотрела на Блю, очень страдала из-за отсутствия моих карандашей и угольных грифелей. Было в ней что-то такое, что мне хотелось запечатлеть на бумаге.

Сначала я ничего не писала, только сделала пару штрихов красным маркером, потом украдкой посмотрела на Блю, чтобы сделать набросок, еле заметный и нечеткий. Мне становилось хорошо от того, что пальцы держат маркер, вырисовывая то, как я вижу ее кошачьи глаза, полные губы. Мне было немного неудобно рисовать, прижимая бумагу к ногам, но я чувствовала, что пальцы помнят каждое движение. Как будто они ждали моего возвращения.

У Блю очень полные губы. Мои губы, пожалуй, тонкие. Эллис говорила: «Тебе нужно их выделять». Она держала пальцами мой подбородок и проводила холодной помадой по губам. Но это никогда не помогало. Помада никогда не смотрелась на мне. Я не находила, что у меня красивые губы, я просто видела девушку с помадой на губах.

Мои мысли закрутились в круговорот, когда я рисовала Блю. Я не хотела думать о происходящем вокруг, только не сейчас. Всплывали слова «сожаление» и «чердак», «подземный переход» и «мне больно».

Саша хлопала носом. Фрэнси откашливалась.

Я написала: «ПРОЧЬ. УБЕРИТЕ ЭТО ПРОЧЬ. ЗАГЛУШИТЕ ЭТО». Я перечеркнула портрет Блю большим красным крестом, скомкала рисунок и запихнула его под себя.

Каспер, скрестив руки, вызвала Айсис и стала ждать, пока та прочтет то, что написала.

Айсис ковыряла в носу и краснела.

– Ладно, – произнесла она наконец. Она говорила очень тихо, почти шепотом. – Почему, черт возьми, ты не понимаешь? Я тебе сейчас покажу.

Айсис зажмурилась.

Фрэнси произнесла:

– Никого. Пустота. Всем наплевать.

И разорвала бумагу пополам.

Саша такая горячая от слез, она излучала странное тепло, и я немного отодвинула от нее свой стул. Я почувствовала на себе взгляд Блю.

Саша посмотрела вниз на свой лист бумаги и промямлила:

– Ты. Толстая задница. Черт тебя побери.

Со скоростью птичьего полета Блю пересекла круг и выхватила рисунок из-под меня. Она стояла посередине круга и смотрела на меня, вытаращив глаза.

Каспер бросила взгляд на нее и спокойно сказала:

– Блю.

Это было предупреждение.

Блю развернула комок бумаги, распрямляя его. Она всмотрелась в рисунок, и ее лицо медленно расплылось в улыбке.

– Это что, я? Класный рисунок, Молчаливая Сью. Мне нравится, что ты перечеркнула меня.

Блю показала рисунок остальным.

– Она меня стерла.

Потом она снова скомкала бумагу и бросила ее мне на колени. Я позволила ей упасть на пол. По пути на свое место Блю сказала Каспер:

– У нее лучше получилось это выразить. Это очень даже похоже на то, что происходит у меня в голове, когда я наношу себе повреждения. Сотрите меня.

Каспер повернулась к Саше, но прежде чем она начала говорить, Блю прервала ее:

– Вы знаете, это очень несправедливо, доктор.

Каспер взглянула на Блю.

– В чем несправедливость?

Мое лицо начало гореть. Я посмотрела на часы. Всего через несколько минут я могла встать и уйти, чтобы снять с себя этот панцирь.

– Ей никогда не надо ничего рассказывать. Нам всем приходится говорить, выворачивать наши чертовы кишки наизнанку, а она не проронила ни слова. Мы, может быть, комики, выступающие перед ней.

– Занятия в группе добровольные, Блю. Если кто-то не хочет говорить, он не обязан это делать. Чар...

– Молчаливая Сью, расскажи всем, что ты там написала, – попросила Блю. – Не хочешь? Хорошо, я расскажу. Она написала «Прочь. Прочь, заглушите это». Заглушить что, Сью? Выкладывай. Время пришло.

Проклятый Фрэнк носил массивные серебряные кольца, украшенные зловещими черепами. Он постоянно протирал их об рубашку, пока они не начинали безупречно сверкать. Его пальцы были покрыты пятнами и ожогами от зажигалок, и он вонзил их мне в шею, стаскивая меня с чердака. Эван и Дамп мяукали как котята у него за спиной, но они всего лишь

мальчишки, которым нужны наркотики. На улице стоял мороз. В апреле выпал неожиданный снег, превратившийся в ледяную корку. В такую погоду лучше не выходить из дома: от снега с дождем незакрытое лицо промерзло и пальцы превращались в кости, покрытые жесткой кожей.

Когда Проклятый Фрэнк открыл дверь и впустил нас, мне уже тогда следовало понять, что он не позволит мне остаться там просто так. Эван и Дамп внесли меня, и тогда мне следовало внимательнее рассмотреть лица девушек, которые сидели на порванном диване. Все расплывалось перед глазами, я подумала, что они просто под кайфом – смотрят невидящим взглядом. Теперь уже я понимаю, что их глаза были мертвы. Я оцепенела, легкие словно наполнились цементом.

«Просто сделай это, – сказал Проклятый Фрэнк тем вечером, и мое дыхание исчезло, как только его пальцы сильно сжали меня. – Сделай это, как другие девчонки. Или я сам это сделаю».

Если какая-нибудь девушка попадала в Сид Хаус и хотела там остаться, то внизу было пустое помещение, ничего кроме матрасов. Фрэнк держал девушек в этой комнате. Мужчины приходили в дом, платили Фрэнку и потом заходили туда.

ПРОЧЬ. ЗАГЛУШИТЕ ЭТО. Моего отца. Мою мать. Мою тоску по Эллис. Мужика в подземном переходе, Проклятого Фрэнка, мужчин из комнаты внизу, людей с улицы, которые носят в себе слишком много монстров, голод, и печаль, и усталость, ощущение собственной никчемности, непривлекательности, недостаток любви – просто заглушите все это, я хочу уменьшаться и уменьшаться, пока не превращусь в пустое место.

Это было в моей голове там, на чердаке, когда я достала битое стекло из своей аптечки и начала кромсать себя на мелкие кусочки. И я бы резала и резала целую вечность, но в тот момент я хотела довести дело до конца, чтобы все навсегда закончилось. Я бы зашла дальше, чем Эллис. Не испортила бы все, как она: я бы умерла, а не повисла бы где-то между жизнью и смертью, как получилось у Эллис.

В тот раз я делала все, чтобы умереть.

Но я жива.

В голове звучала музыка, взгляд затуманивался. Я с трудом различала очертания Блю, ее елейное выражение лица и испорченные зубы, но по мере того, как я приближалась к ней, начинала ощущать вкус того, как я буду долбить это лицо, пока не вытолкну в коридор. Странное дело – мое тело одновременно становилось тяжелым и невесомым и небольшая часть меня парила в воздухе и улетала прочь. Каспер называет это временной потерей контроля над сознанием – но я продолжала идти, пошатываясь, по направлению к Блю, даже когда она нервно засмеялась и произнесла:

– Ударь меня.

И встала наготове.

Джен С. поднялась.

– Пожалуйста, прекратите, – попросила она.

Раньше, когда я жила на улице, я называла это «чувством улицы». Словно электрический провод туго натягивается и проходит сквозь тело. Это означало, что я могла сжать кулаки и готова была сражаться с двумя пожилыми женщинами за забытый спальник у реки. Это означало, что я могла сделать многое, чтобы пережить ночь и провести следующий день в бесконечном хождении по улицам.

Голос Каспер ровный и чистый.

– Чарли, еще одна потасовка, и я не смогу тебе помочь.

Я внезапно остановилась. Чарли. Чарли Дэвис. «Шарлотта, – сказал тогда Эван, и я видела его глаза, пьяные и блестящие, пятна моей крови на его щеке тем вечером на чер-

даке. – Какое красивое имя». Он целовал меня в голову снова и снова. «Пожалуйста, не покидай нас, Шарлотта».

Отец учил меня определять время на часах, показывая, сколько осталось ждать. «Длинная стрелка здесь, а короткая тут. Когда короткая здесь, а длинная здесь, значит, мама сейчас вернется домой». Он прикуривал сигарету, и, довольный собой, раскачивался в кресле.

Стрелки на настенных часах показали мне, что пора идти снимать повязки.

Я шла, пошатываясь, дурацкий ботинок-нога зацепился за ковер, пока я наконец не подошла к двери. Я отпустила ее, и она с шумом хлопнула за моей спиной.

Повязки снимал Винни, медбрат дневной смены, его большие обветренные руки работали методично. В процедурной очень чисто и прохладно. Пока я устраивалась на столе, бумага шуршала подо мной. Я смотрела на стеклянные банки с длинными ватными палочками для ушей, бутылки со спиртом, аккуратно подписанные ящики. У Винни серебристый поднос, все готово: ножницы, пинцеты, зажимы и кремы.

Он сделал паузу перед тем, как начать освобождать мои руки от повязок.

– Ты хочешь, чтобы я кого-нибудь позвал сюда? Доктор Стинсон закончит групповые занятия через пятнадцать минут.

Он имел в виду Каспер.

Винни улыбнулся мне своей особой улыбкой, приоткрывая рот и обнажая все зубы. Каждый зуб заключен, подобно картине или фотографии, в золотую рамку. Неожиданно у меня возникло сильное желание потрогать один из этих блестящих зубов.

Винни засмеялся:

– Тебе нравятся мои классные зубы? Это дорогого стоит, но моя улыбка мне стоила еще дороже, если ты понимаешь, о чем я. Зовем доктора или нет?

Я помотала головой – «Нет».

– Да, так-то. Ты сильная девочка, Дэвис.

Винни осторожно размотал марлевую повязку с обеих рук. Отделил длинную салфетку от левой руки, потом от правой. Он бросил их в металлическое ведро для мусора, и они издали мокрый и мягкий шлепок. Мое сердце начало биться немного быстрее. Но я пока еще не смотрела вниз.

Винни наклонился ближе, работая со швами пинцетом и зажимами. От него пахло одновременно приятно и раздражающе, что-то вроде запахов масла для волос и кофе. Я не отрываясь смотрела на потолочные лампы до тех пор, пока перед глазами не появились большие темные тучи. На одной из потолочных панелей виднелось пятно в форме почки цвета пригоревшего на сковороде масла.

– Тебе не больно? – спросил он. – Я стараюсь как могу, дорогая.

Раздался звук льющейся воды. Винни мыл руки. Я подняла руки вверх.

Они бледные и сморщенные от того, что были перевязаны долгое время. Я перевернула их и посмотрела на красные швы, похожие на веревки, пробегающие от запястий до локтей. Потом легонько дотронулась до них. Винни хмыкнул. У него низкий мелодичный голос.

Для него я всего лишь еще одна уродливая девчонка, еще один рабочий день.

– Все в порядке? – Он растер крем ладонями и поднял их вверх.

Под этими новыми шрамами я видела старые. Мои шрамы похожи на плотины или что-то в этом роде. Бобер просто добавлял новые доски и прикреплял их к старым.

Я кивнула Винни. Крем разогрелся в его руках и приятно лег на кожу.

В самый первый раз, когда я порезала себя, лучшее было после: промокнуть рану ватным тампоном, аккуратно подсушить, изучить со всех сторон, заботливо убаюкать руку, прижимая к животу. «Ну, ну».

Я резала себя, потому что не могла справиться с собой. Все просто. Мир превратился в океан, волны смывали меня, вода оглушала, сердце утопало в воде, паника разрасталась до вселенских масштабов. Мне необходимо было освободиться, сделать себе больнее, чем делал этот мир, чтобы потом я смогла пожалеть себя.

«Ну, ну».

– Это противоречит здравому смыслу, да? То, что причинение себе боли заставляет вас чувствовать себя лучше. В некотором роде вы можете избавиться себя от боли, причиняя себе боль, – говорила нам Каспер.

Проблема возникает потом.

Как, например, то, что происходило сейчас. Чем больше шрамов, тем больший урон. Порочный круг: больше шрамов – больше стыда – больше боли.

Винни мыл руки, и звук льющейся воды возвращал меня к реальности.

Я смотрела на свою кожу, и у меня сводило желудок. Он повернулся:

– Второй раунд. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я позвал сюда кого-нибудь еще?

Я покачала головой, он кинул мне простыню и попросил перевернуться на спину на кушетке, жестом предлагая спустить шорты. Я быстро сняла их под простыней, чуть дыша и прижимая простыню к скромному нижнему белью. Бедрa покалывало, и они покрылись гусиной кожей от прохладного воздуха.

Я не думала, что боюсь Винни, но я внимательно следила за движениями его рук, на всякий случай держа наготове свое «чувство улыбки». Когда я была маленькой и не могла уснуть, то теребила простыню между большим и указательным пальцем. Сейчас я делала то же самое с нижним бельем. Оно совершенно новое, мягкое, розового цвета, разложенное кем-то на моей узкой кровати вместе с небольшой открыткой. Там было семь комплектов, на каждый день недели. На них не имелось дырок, пятен, и от них пахло пластиковой упаковкой, в которую они были завернуты. От них не воняло, они не пахли мочой или кровью от менструации. Я думала о нижнем белье, касалась пальцами чистой хлопковой ткани, и что-то переключилось внутри меня, как будто я расшатывала груды камней, вынимая один из них, треск, проседание, выдох...

– Медсестра. Ава. Купила. Мне. Это. Белье.

Я произнесла это шепотом, сама не знаю почему. Неизвестно, откуда взялись эти слова и почему они вдруг выстроились в ряд. Мой голос стал скрипучим после длительного молчания, похожим на охрипшую лягушку. Это длинное предложение было первым за несколько дней, и я знала, что Винни добросовестно запишет в журнале следующее: «Ш. Дэвис произнесла вслух целое предложение, когда я снимал повязки. Ш. Дэвис сказала, что у нее нет нижнего белья. Обычно пациентка не разговаривает по своей инициативе; селективная немота».

– Это было чрезвычайно мило с ее стороны. Ты ее поблагодарила?

Я покачала головой.

Когда я порезала себя на чердаке, на мне была футболка, нижнее белье, носки и ботинки. Там оказалось столько крови, что Эван и Дамп не знали, что делать. Они завернули меня в простыню.

– Тебе следует поблагодарить ее.

В Крили я попала в больничной одежде и тапочках. Медсестра Ава подобрала мне одежду. Она же купила мне новое нижнее белье.

Я должна была поблагодарить ее.

Бинты и салфетки, которые были у меня на ногах, выглядели как длинные гирлянды, покрытые пятнами, Винни поднял их и бросил в ведро. Потянул и зажал пинцетом.

Так и с руками: мне не было больно, когда он снимал швы, но кожу покалывало, и я чувствовала резкую боль, когда он тянул пинцетом в разные стороны.

Он торопился, и я опять почувствовала боль, только на этот раз она напомнила мне ощущения, когда я резала, сильно резала. То, как глубоко я вонзала стекло, сразу же прокалывала кожу и вынимала, тащила с силой, чтобы пролить реку и утонуть в ней.

Ох, как же больно проливать эту реку! Ты чувствуешь одновременно острую и неясную боль; словно завеса раздвигается и закрывает глаза, тяжелое дыхание вырывается из ноздрей.

Это очень больно, больно, больно. Но когда идет кровь, становится теплее и спокойнее.

Винни поймал мой взгляд. Я слишком часто дышала. Он понял, что происходит.

– Готово.

Он заботливо наблюдал за тем, как я садилась. Тонкая бумага порвалась подо мной.

Лестницы. Шрамы на ногах выглядели как перекладыны лестниц. Я провела пальцами вверх от колена до бедра: выпуклость, выпуклость, еще одна. Руки Винни в креме казались очень темными на фоне моей бледной кожи. Приятные прикосновения. Закончив с ногами, он показал жестом, что я могу надеть шорты, и вручил мне бело-голубую баночку с кремом.

– Наноси его два раза в день. Эта дрянь будет очень сильно чесаться сейчас, после того как я намазал. Ты почувствуешь стянутость и что-то вроде покалывания.

Я прижала баночку к груди. Я все еще чувствовала прикосновения его рук к моим ногам, мягкость его пальцев на моем изуродованном теле. Пожалуй, я хотела, чтобы он прикоснулся еще, обнял бы на этот раз. Может, он присел бы рядом, и я положила бы на него голову, и какое-то время мы бы сидели так, я бы вдыхала его запах. Ничего особенного, только биения сердец, как с отцом. Я почувствовала давление в глазах.

Я вытерла лицо, не обращая внимание на трясущиеся руки. Жарко. Тело начало гореть. Мне стало страшно. Винни откашлялся.

– Все в классе для творчества, милая. Хочешь, я провожу тебя туда?

– Комната, – произнесла я, прижимая теплую банку с кремом к груди. – Комната.

– Хорошо, дорогая. Хорошо.

Винни выглядел грустным.

Луизы в нашей комнате не оказалось. Они все ушли в класс для творчества, сидели там, склонившись над палочками для эскимо, покрытыми клеем, кучей пуговиц и ниток, стопками блестящих наклеек в форме звезд.

Мои глаза наполнились слезами, и я зарылась лицом в подушку, чтобы никто меня не услышал. Все тело так невыносимо болело от ран. Я хотела, чтобы Эллис была рядом, чтобы она легкими прикосновениями погладила мои порезы и стащила бы вино у отца. Мы бы плакали вдвоем в ее комнате, потягивая вино из бутылки, слушали нашу музыку, смотрели на солнечную систему, очертания которой отбрасывал на потолок вращающийся ночник. Потому что, когда тебе больно и есть кто-то, кто любит тебя, он помогает тебе, ведь так? Когда тебе плохо, любимый человек нежно целует тебя, подносит бутылку ко рту, поглаживая волосы, верно? Каспер гордилась бы мной сейчас за мое рациональное мышление.

Я жила вместе в девушками, которых переполняла печаль, и не хотела помощи от них. Я хотела, чтобы рядом была только одна, та, что никогда не вернется назад.

Куда мне деть их, мертвых, живых, тех людей, что витают надо мной словно призраки? Однажды Эллис сказала: «Ты слишком рано потеряла отца».

Чуть больше года назад Майки рыдал мне в трубку: «Она никогда не резала себя, это не ее случай. Почему она сделала это? Ты была там, рядом с ней». Но он был в университете, километры и штаты разделяли нас, и не знал, что произошло между мной и Эллис.

Это был наш последний разговор с ним, после этого я оказалась на улице, сама превратилась в призрак.

Моя мать жива, но тоже стала привидением, я вижу ее запавшие глаза, она смотрит на меня издалека, стоя неподвижно.

Столько людей никогда больше не вернутся назад...

Когда я успокоилась, я почувствовала себя утомленной и лишенной сил от слишком долгого плача. Встала и пошла, спотыкаясь, по чересчур ярко освещенному коридору к стойке медсестер. Винни был прав, шрамы ужасно чесались.

Внутри меня все горело, а снаружи только пустота. Я не могла порезать себя, но мне было необходимо что-нибудь сделать с собой, чтобы облегчить боль.

Винни одарил меня своей золотой улыбкой из-за стойки. На перегородке за стойкой были приколоты фотографии, принадлежащие медсестрам. Их дети, куча детей, упитанные, тощие, угрюмые подростки, и собаки, много-много собак. Дочери Винни, должно быть, это они там в белых платьях с рюшами и с очень темными волосами, как у него.

Я показала на свои волосы, на это безобразное гнездо. От одного их запаха мне внезапно стало дурно. Я захотела от них избавиться, от последней частицы уличной жизни.

– Отрезать, – произнесла я охрипшим голосом.

Винни поднял руки вверх.

– Не, не. Сначала ты должна заслужить свой дневной пропуск, милая. Тогда ты сможешь пойти на улицу с остальными, сходишь в «Суперкатс» или еще куда. Я не притронусь ни к чьим волосам.

Я облокотилась на стойку и ударила по ней кулаком.

– Сейчас. Мне нужно это сейчас.

– *Put a madre*, – прошептал он.¹

Он толкнул дверь процедурной.

– Давай, пойдём. И не плачь. Для таких волос есть только один способ.

В столовой первой заговорила Айсис, она раскрыла свой маленький рот, и макароны с сыром выпали в тарелку.

– Отпад, Чак, ты только посмотри на себя!²

Блю начала смеяться глубоким заразительным смехом, от которого Фрэнси вздрогнула; она сидела рядом и никогда не ела. Фрэнси тоже улыбнулась.

– Я тебя ненавижу, Молчаливая Сью, но ты гораздо лучше выглядишь. Почти человек.

Даже Винни присвистнул, орудуя электробритвой у меня на голове, волосы тяжелыми пучками падали на пол.

– Лицо. У девчонки, оказывается, есть лицо, – произнес он.

Я, не отрываясь, смотрела на себя в зеркало, в настоящее длинное зеркало на внутренней стороне двери процедурной. Я не опускала глаза ниже плеч, просто рассматривала лицо, но не слишком долго, потому что при взгляде на себя мне снова становилось грустно.

Когда я начала есть, девушки замолчали. Никогда бы не подумала, насколько это неловко – демонстрировать шрамы кучке девчонок, сплошь покрытых шрамами, но это так. Я смотрела только в тарелку.

После ужина я собиралась обыскать коробку с забытыми вещами, чтобы найти себе рубашку с длинными рукавами. Мне было холодно, и я чувствовала себя незащищенной. Мне не хватало дешевого кардигана горчичного цвета, который я носила до того, как убежать из дома. В нем я была укрыта и чувствовала себя в безопасности. Мне не хватало всей моей одежды. Не уличной, а той, давнишней – полосатых футболок, брюк в клетку и шерстяных шапок.

¹ Охренеть (*исп.*). – Здесь и далее: прим. пер.

² Обычно прозвище людей, которых зовут Чарльз, Чарлтон, Чарли.

Айсис проглотила еду и спросила:

– Господи, Чак, где тебя подстригли? Ты что, на самом деле выходила в этот чертов город?

У Айсис подбородок как у терьера и нервное лицо. Она крутила между пальцами неопрятные завитки косичек. Остальные ждали. Луиза еле заметно улыбнулась мне с другого конца стола.

Я обожала разбивать стеклянные банки. Их надо ударять с силой, потому что стекло толстое. В отличие от другого стекла, банки разбиваются на толстые осколки – острые, изогнутые и переливающиеся. Они оставляют широкие и глубокие порезы. Толстые осколки легко отмыть и хранить, засунув в бархатный мешочек, и прятать в своей аптечке до следующего раза.

При мысли об этом меня охватил заранее ожидаемый озноб, что-то похожее я чувствовала в процедурной, и это недопустимо, по словам Каспер, это пусковой сигнал, и я видела, как некоторые девушки, например бледная Саша с глазами цвета моря, начинают хмуриться. Блю и Джен С. ждали с отрешенным выражением лица, вилко-ложки застыли в воздухе.

Мне казалось, я хочу им рассказать, мне казалось, что я хочу говорить. Я чувствовала гул в груди и думала, что, возможно, у меня получится что-нибудь произнести, хотя и не знала, как направить слова или что они будут значить, но я открыла рот...

Из глубины стола послышался голос Луизы, гортанный и приятный; группа, в которой она пела, называется «Нелюбимые».

– Стекло, – Луиза убирала за собой после ужина. Она любила перекусывать; немного одного, немного другого, никогда не задерживалась надолго. – Она использовала стекло. Завтрак безнадежных чемпионов.

Луиза пожала плечами, проплывая мимо нас с картонным стаканчиком, пластиковой тарелкой и вилко-ложкой в сторону мусорного ведра.

Сначала за столом все замерли, поскольку каждая думала и вспоминала свои любимые инструменты. И потом, наконец, атмосфера разрядилась.

– Это мощно, Чак, – ела и резюмировала Айсис.

Я таранилась на масляную гору макарон, одинокий рядок зеленой фасоли, коричневую лужицу яблочного мусса.

– Меня зовут не Чак, Айсис. Мое имя Чарли. Чарли Дэвис.

Мой голос был уже не хриплым. Он стал звонким как колокольчик.

– Ух ты. У кого-то, оказывается, есть голос, – произнесла Джен С.

Блю кивнула и пристально посмотрела на меня.

– Здесь, – сказала она, задумчиво потягивая кофе, – становится все интереснее.

Каспер улыбнулась мне.

– Большие перемены, – заметила она. – Заговорила. Обрезала волосы. Сняли повязки. Как ты себя чувствуешь?

Я потянулась к ее столу, чтобы взять бумагу и синюю ручку, но она возразила:

– Нет.

Черепашка в аквариуме остановилась, как будто тоже меня ждала. Ее крошечное тело раскачивалось на воде. Нравился ли ей этот маленький корабль на дне с отверстием, достаточно большим, чтобы ей удалось проплыть через него? А большой камень, на который она могла забираться, чтобы отдохнуть? Хотела ли она когда-нибудь выбраться оттуда?

Я плотнее застегнула толстовку, которую нашла в коробке с забытыми вещами, натянула на голову капюшон.

– Безобразной, – говорю я ей глухим голосом из-под капюшона. – Безобразной. Я до сих пор чувствую себя безобразной.

Не то чтобы я никогда не замечала, что Джен С. каждый вечер исчезает куда-то, как только Барберо засыпает на кушетке в комнате отдыха. «Я в туалет», – говорила она, и ее длинный хвост сползал по плечу, когда она наклонялась ко мне и смотрела, что я делаю на

компьютере. «Желудок заболел. Я задержусь там». Или «Пойду пробежусь по коридору. У меня тело немного затекло. Веди себя хорошо». И потом она уходила.

Это странно, но я занималась быстрее, чем требовалось. Я уже закончила двенадцать уроков, это где-то середина воображаемого выпускного класса. Я чувствовала что-то вроде удовлетворения, нажимая «ОТПРАВИТЬ», и ждала возвращения Джен С., чтобы поставить оценку, используя секретный пароль. Как оказалось, учиться в школе очень легко, если убрать всех остальных детей, дурацких учителей и всю остальную дрянь, которая случается в школах.

И вот я все ждала ее и ждала, и наблюдала, как Барберо храпит на диване, когда мне пришло на ум, что она делала совсем не то, что говорила. Но прежде чем подумать об этом, я соображала, чем бы заняться, пока она отсутствует, а Барберо в отключке.

Это заняло всего пару минут. Я открыла новое окно, завела аккаунт в Джимэйл, поломала голову, вспоминая его последний электронный адрес, ввела его, надеясь на лучшее, и открыла окно чата. Я не говорила с ним больше года. Может, он в чате, а может, и нет.

«Привет», – напечатала я.

Я ждала, ковыряя подбородок. Голова немного замерзла без волос. Я натянула капюшон. Он должен быть там, хотя бы потому, что не было написано «Майкл не в Сети» или что-то вроде того.

И потом вот он.

«Господи, это действительно ты?»

«Да».

«Ты в порядке?»

«Нет. Да. Я в дурдоме».

«Я знаю, мама сказала мне. Ей сообщила твоя мама».

«На мне одежда из дурацкой коробки забытых вещей».

«Я на концерте».

«Чьем?»

«Файермут Клуб». Они называют себя «Флайкэтчер». Ты знаешь «Файермут»? Тебе бы они понравились».

Мои пальцы летали по клавиатуре.

«Я скучаю по тебе».

Ответа не последовало. Желудок начал тихонько сжиматься. Старые чувства постепенно возвращались ко мне: как мне нравится – нравился Майки, мое смущение от того, что ему нравилась Эллис, даже если он ей не так сильно нравился. Но Эллис больше нет с нами. Я покусала губу.

Я обернулась посмотреть на Барберо. Его нога медленно сползла на пол.

«Майкл печатает»... потом:

«Я попрошу маму принести тебе какую-нибудь одежду Т.»

Его сестра, Таня. Она, должно быть, уже закончила университет. У Майки дома всегда тепло. Зимой его мама готовила толстые мягкие буханки хлеба и большие кружки дымящегося супа.

«Майкл печатает», – высветилось в чате. Он не сказал мне, что скучает или что-то в этом роде. Я глубоко вздохнула, стараясь заглушить брызжащий голосок в голове, который говорил мне: «Ты грязная и отвратительная идиотка. Кто вообще захочет тебя?»

«В мае я приеду на концерт в клуб «Севенс Стрит Энтри» с группой, на которую работаю. Буду там два дня. Ты можешь заказать на меня пропуск посетителя или еще что?»

«Да!»

Я начала безумно улыбаться. Все тело стало невесомым, как пух, на душе полегчало от мысли, что я увижу Майки. Майки!

«Майкл печатает»:

«Мне надо идти, концерт заканчивается завтра. Учусь. Не могу поверить, что это ты. У тебя есть и номер телефона?»

Я вскочила и побежала к телефону на стене комнаты отдыха, где черным тонким маркером написан номер рядом с надписью «телефонные звонки запрещены после 21.00 / телефонные звонки запрещены до 18.00». Я побежала назад, повторяя про себя номер, когда ботинок застрял в пластиковом стуле, и я растянулась на полу. Барbero вскочил со скоростью молнии. И прежде чем я успела среагировать, он подошел и выдернул наушники из ушей.

– Где Шумахер? Куда, черт возьми, подевалась Шумахер?

Пока я пыталась вскарабкаться на стул, он успел прочитать переписку на экране компьютера.

Нажал толстым пальцем на кнопку, и экран погас. Майки исчез.

– Давай обратно в свою клетку, зайка. Мне надо поохотиться на твою подругу.

Барbero и сестра Ава обнаружили Джен С. у аварийной лестницы. С желудком у нее было все в порядке, и она не наматывала круги по коридору. Как потом вечером мне рассказала Луиза, у нее была интрижка с доктором Дули.

Я лежала под одеялом. При моргании мои ресницы задели ткань. Я что-то промычала в ответ Луизе.

– Они спят друг с другом уже до-о-олгое время, – прошептала Луиза. – Я удивлена, что их не застукали раньше.

В конце коридора поднялась суматоха: телефонные звонки, плачущая Джен С. у поста медсестер. Луиза сказала:

– Жалко, на самом деле. Теперь они ее выгонят, а его уволят. Или, возможно, его не уволят, а сделают выговор. Он всего лишь врач-стажер. Они всегда все портят. – Она сделала паузу. – Я надеюсь, Джен не думает, будто они будут вместе, когда она выйдет отсюда, потому что этого не случится.

Луиза сняла одеяло с моего лица.

– Ты еще слишком мала и на самом деле не понимаешь.

Она еще не смывала свой макияж. И тушь размазалась под глазами.

– Дули выбрал ее, потому что Джен уступчивая. Мы все здесь покладистые, верно? Черт побери, я ведь тоже однажды думала, что встретила того самого...

Я нерешительно произнесла:

– Может... несмотря ни на что она ему действительно нравилась.

Возможно же, не так ли? Док Дули – предел мечтаний, ему не нужно бегать в поисках ущербных девчонок. Он может получить любую, если захочет.

Луиза моргнула.

– Парни странные, малышка. Никогда не знаешь, что ими движет. – Она снова накрыла меня с головой одеялом и забралась на свою кровать. Ее голос звучал приглушенно, будто она сама накрыта с головой. – Я позволила этому парню – думала, что он такой чудесный и добрый, – позволила ему сфотографировать себя. Потом он изменился и продал мои фотографии какому-то сайту в Интернете для извращенцев.

Она что, плачет? Я была в замешательстве. Джен С. по-настоящему рыдала там, и я слышала, что Саша в своей комнате начала издавать кошачьи звуки тихим голосом.

Это место – мир рыдающих девушек.

Луиза плакала. Весь чертов коридор плакал, кроме меня, потому что я все уже выплакала. Я откинула одеяло и вылезла из кровати. Майки был так близко, и я потеряла его. Я потеряла его.

Луиза пробормотала:

– Им следует предупреждать нас сразу, как только мы сюда поступаем, что с подобными желаниями можно распрощаться. Что с нами кончено, никто нас не полюбит. Не так, как нормальных людей.

Она вытащила руку из-под одеяла, шупая воздух. Я следила за движениями ее пальцев. Ее ногти были выкрашены глянцевым синим лаком с крошечными красными крапинками. Рыдание застряло у нее в горле.

– Ты должна понять это, малышка. Ты понимаешь, на что это будет похоже?

Я сделала то, что советуют делать, когда кому-то больно и ему нужна помощь, чтобы он знал – его любят. Я села на край кровати поверх ее одеяла с изображением «Хэллоу Китти». Она – единственная, у кого было собственное одеяло и наволочки, и несколько пушистых тапочек выглядывали из-под кровати. Я медленно сняла бело-розовое одеяло с ее лица, настолько, чтобы можно было гладить ее волосы, эту чудесную пышную копну.

Позднее, когда в коридоре все стихло и Джен С. отправили в свою комнату собирать вещи и ждать, я думала о ней. Все это время они с доком Дули занимались сексом. Где они это делали? Расстилали на пол помятую бумагу в процедурной? На столе или все время у лестницы? Было холодно? О чем они разговаривали? Они оба такие высокие и красивые, с чистой кожей, сексуальные. Я представляла, как они двигались навстречу друг другу, и чувствовала тепло между ног. Потом я думала о Майки, у него мягкие дреды светлого цвета, и они всегда хорошо пахнут, он улыбался нам с Эллис из старого кресла в его комнате, позволяя нам веселиться и включать музыку так громко, как мы хотели. У нас с Майки ничего не было, но я была бы не против, я хотела этого, очень сильно, однако он любил Эллис. Парни, которые мне попадались, пахли жженым стеклом и злобой. С татуировками, следами грязи на коже и с акне. Они жили в гаражах или в машинах. Такие парни никогда не хранят верность. Сначала они подлизываются и, получив свое в грязном служебном помещении во время какого-нибудь концерта или в туалете чьего-нибудь подвального помещения на вечеринке, исчезают.

У Эллис был один парень. С волчьими зубами и в длинном черном пальто, и он спал с ней в подвале дома ее родителей на мягком розовом ковре, пока я слушала их с другого конца комнаты, завернувшись в спальный мешок. Он оставил после себя серебряные браслеты, тонкие чулки, русские матрешки с круглыми синими таблетками внутри. Когда он не позвонил, Эллис плакала, пока у нее не заболело горло. Когда она упоминала его имя, Майки отворачивался, и можно было заметить, как плотно сжимались его челюсти и темнело лицо.

Когда я думала о том, как соединяются тела, мне становилось грустно, и я испытывала необъяснимый голод. Я перевернулась и уткнулась лицом в подушку, стараясь очистить голову и не обращать внимания на зудящие шрамы. Луиза беспокойно вздыхала во сне.

Я не хотела верить, что она права.

Мать Джен – пышная, как тесто, женщина, круглощекая, с тонкими губами. Отец – толстяк, молния его тренерской куртки обтягивала живот. Ее родители стояли в коридоре, с опаской поглядывая на нас. Через некоторое время медбрат Винни собрал нас вместе в комнате отдыха и запер дверь. Нам не разрешили попрощаться с Джен. Девушки легко и бесшумно начали двигаться по комнате, достали карты и игры из ящиков, устраиваясь с Винни за круглым столом. Блю стояла у окна. Ее волосы светло-каштанового цвета были завязаны в неаккуратный узел; татуировка с изображением ласточки слегка переливалась сзади на шее. Спустя некоторое время она прошептала:

– Вон она идет.

Мы бросились к окну. На парковке отец Джен закинул два зеленых чемодана в багажник черного «Субару». День выдался холодный и серый. Он забрался на водительское кресло, и машина просела под тяжестью его веса. Джен возвысилась над матерью как согнутая соломинка. Та погладила дочь один раз по руке и открыла заднюю дверь, оставляя Джен складываться пополам на переднем сиденье рядом с отцом.

Она ни разу не оглянулась на нас.

Автомобиль растворился в потоке машин, исчезнув в конце длинного квартала кафе и баров, магазинов с ближневосточными побрякушками и мест, где продают двадцать два вида хот-догов. Одно лето Майки работал там; его кожа источала запах приправ и кислой капусты.

Небо покрылось мясистыми темными облаками. За последнее время прошло много дождей с ураганным ветром, редких для апреля. Голос Блю возвратил меня к реальности.

– Бедный Брюс, – сказала она тихо, показывая на окно.

Барbero стоял на углу парковки. На нем был не медицинский халат, а светло-голубая толстовка с капюшоном, рубашка с воротником, джинсы и белые кроссовки – в этой одежде он выглядел как обычный парень с улицы.

– Ох, – произнесла я. – Ох.

Ему нравилась Джен. Его зовут Брюс.

Еще на нем были небольшие очки в металлической оправе: в них он казался не таким... придурковатым... но вроде как... милым. Мы с Блю смотрели, как он вытирает глаза, садится в свою машину – поржавевший маленький хетчбэк оранжевого цвета – и уезжает.

– Бедный, бедный Брюс, – прошептала Блю.

Тела соединяются. А иногда нет.

Айсис перебирала пальцами буквы игры «Скрэббл». Ее ногти были обгрызены еще сильнее, чем мои. Она облизнула уголок губ языком.

– Почти готово, Чак. – Она резко сдвинула буквы с поля. – Почти.

Я теребила свою футболку из «варенки» и цветастую юбку в стиле хиппи. Мама Майки все же приходила с коробкой старых вещей Тани, оставшихся со времен ее ничегонеделания: футболки из «варенки», тонкие шуршащие юбки, пеньковые сандалии и бабушкины шали. И хотя там было еще несколько старых свитеров, я надела самый лучший – вязаный синий кардиган с ромбами и серебристыми пуговицами в форме желудей. У меня не получилось поговорить с мамой Майки. Если человека не было в списке посетителей, его не пускали внутрь, а я не могла пользоваться списком, потому что нарушала правила. В любом случае, я не узнала, кто бы мог прийти навестить меня, кроме Майки, но до этого было еще долго, несколько недель. Каспер обещала, что внесет его в список моих посетителей. В остальном я знала, что там только одно имя – моей матери. Но я не ждала ее прихода, и Каспер не упоминала о ней.

В комнате отдыха зазвонил телефон, и все начали искать глазами Барbero. Звонки переводились сюда наверх, только если звонящий был в основном списке внизу. Звонящие должны быть одобрены врачом и занесены в список – это происходило только по усмотрению врача. И все же нам не полагалось отвечать на телефон самим.

– Он, должно быть, в туалете, – предположила Блю, пожимая плечами.

Телефон продолжал звонить. Фрэнси толкнула Сашу локтем:

– Ответь.

– Вот ты и ответь.

Саша вернулась к игре «Коннэкт 4». Никто не любил играть с ней – она жульничала. Блю поднялась с дивана.

– Бесхарактерные Кровавые Красотки, – сказала она нам. Так она нас называла иногда: Кровавые Красотки. «Мы все могли бы очень круто выглядеть, ты так не считаешь? – спросила она меня однажды во время занятий в группе. – Если бы не выглядели как проклятые зомби!» Она подняла руки. Шрамы делали ее похожей на тряпичную куклу, которую зашили ужасным образом.

– Лачуга с психами. Представьтесь, пожалуйста. – Она повертела телефонный провод между пальцами.

Она отпустила трубку так, что та ударилась об стену – «шмяк» – и беспомощно повисла на белом проводе.

– Это твоя мать, Молчаливая Сью.

Она возвратилась к чтению книги, усаживаясь на жесткий диван зеленого цвета.

Я не дышала. Айсис передвигала буквы и неодобрительно бормотала. Фрэнси была занята просмотром фильма.

Моя мать. С чего вдруг она звонит? Она даже ни разу не навестила меня.

Я медленно подошла к телефону. Прижала трубку к уху и отвернулась от них к стене, мое сердце выпрыгивало из груди.

– Мама? – прошептала я с надеждой.

С невнятным хриплым придыханием в трубке прозвучало:

– Нееет, Чарли. Угадай, кто!

Голос пронзил мое тело.

Эван.

– Я притворился твоей матерью. Ее имя было написано на чем-то в твоём рюкзаке. – Он сделал паузу, хихикая, и вкрадчиво произнес визгливым голосом: – Здравствуйте, могу я услышать свою дочь, мисс Шарлоту Дэвис, пожалуйста.

Я ничего не ответила. Не знала, то ли я была разочарована, то ли почувствовала облегчение.

– Нам пришлось взять твои деньги, Чарли. – Эван прокашлялся. – Ты знаешь ситуацию.

Пустые контейнеры от пленки – те, что они с Дампом подкинули. В контейнерах я хранила мелкие деньги, которые сумела выклянчить.

Эван астматик, улица и наркотики не для него. Я наблюдала, как он сворачивался в клубок, издавая хрипы, пока его лицо не становилось багровым; он так напрягался, чтобы не потерять сознание, что мочился в штаны. Поликлиники давали бесплатные ингаляторы только после проведения медицинских анализов, и они не обследовали пациентов, находящихся под кайфом, а жизнь Эвана – это постоянное пребывание под кайфом. Он из Атланты. Я не знаю, как он попал сюда, на север.

Я прижалась к стене, чтобы девушки меня не слышали. Я слушала голос Эвана, и он возвращал меня назад во тьму. Старалась дышать ровно, чтобы дать себе время, как учила Каспер. И осторожно произнесла:

– Я знаю. Все нормально. Спасибо, что вы принесли мой рюкзак.

Он опять откашлялся:

– Знаешь, ты была вся изувеченная там, на чердаке? Я думал, мы с Дампом того и гляди в штаны наложим. Кровь, и все это.

– Да уж, – сказала я.

Он говорил так тихо, что я почти его не слышала.

– Это из-за Проклятого Фрэнка? Он... он в итоге пришел за тобой? И поэтому ты это сделала?

Я царапала стену тем, что осталось от моих ногтей. Проклятый Фрэнк, его черные глаза, эти кольца. Сид Хаус и красная дверь, за которой исчезали девушки. У него на полках хранились коробки со сладкими хлопьями, в холодильнике – пиво и газировка, наркотики в специальных запирающихся ящиках. У него была отвратительная кожа, зато зубы сверкали белизной, как жемчуг.

Мужчины, приходившие в комнату с красной дверью в Сид Хаус, смотрели голодными колючими глазами, которые надвигались на тебя, испытывали тебя, пробовали на вкус. Поэтому долгое время я пряталась на чердаке. Как мышь, стараясь не дышать, чтобы никто меня не заметил.

– Нет, нет. Он не получил, что хотел, – ответила я.

Эван вздохнул с облегчением:

– Ага, понятно, да уж, это хорошо.

– Эван, – позвала я.

– Да?

– Но он – одна из причин, почему я это сделала. Понимаешь? Как последняя капля, которая переполняет чашу. И тогда все. Ты понимаешь?

Эван молчал. Потом произнес:

– Да уж.

Интересно, откуда он звонит – щуплый Эван с больными легкими в рваных брюках и в смешном спортивном пальто из твида.

Я спросила, как он меня нашел. Он ответил, что сюда отправляют всех девчонок с приветом.

– Мы с Дампом нашли кое-кого, кто подбросит нас до Портленда, – сообщил он.

В ту ночь, когда они спасли меня в подземном переходе, Дамп разбил бутылку о голову того мужчины. Это случилось молниеносно. Я увидела испуганные глаза парня за плечом мужчины, бутылку в воздухе, мелькнувшую в свете желтых ламп. Несколько дней после этого я вынимала осколки стекла из своих волос.

Дамп смотрел как загипнотизированный на сверкающие осколки стекла в своих ладонях. Он смотрел на меня, и его улыбка была похожа на глубокий изогнутый порез. Мелкие осколки стекла в крови переливались на носках его черных ботинок.

Мужчина, который ко мне приставал, лежал на полу перехода – неподвижная груда в темной одежде. Эван завернул меня в свое пальто.

– Я просто хотел убедиться, что ты в порядке и все такое, понимаешь? – сказал Эван.

«Вот дерьмо! – повторяли они. – Нужно проваливать отсюда к черту».

Они говорили: «Ты ненормальная, шалава, тебе нельзя ходить здесь одной. Ты клевая и все такое, для чокнутой».

Смех и кашель.

Они приволокли меня пешком к фургону и затащили внутрь на заднее сиденье. Кресла были вынуты; пол сырой, обрывки грязного ковролина закрывали ржавчину и дыры в полу. Эван и Дамп были взвинчены, глаза вылезали из орбит, руки тряслись. «Неужели мы прибили того чувака?»

Я провела с ними семь месяцев.

Однажды где-нибудь на улице прервется жизнь Эвана. Я видела, на что он способен ради дозы кайфа. И грустное выражение его лица, когда он думал, что на него никто не смотрит.

– Да, и еще я хотел тебе сказать, извини и все такое, но я взял твои рисунки. – Эван прокашлялся. – Ну, этот альбом с комиксами. Я не знаю, мне он просто нравится. Короче, это круто, я смотрю и вижу там себя. Как будто я знаменитость или кто-то типа того. Читаю понемногу каждый день.

Мой альбом с рисунками, у него мой альбом. Дамп просил: «Смотри, чтобы у меня была крутая суперсила, типа рентгеновского зрения, хорошо? Хочу видеть, что у девчонок под одеждой».

Мое сердце начало биться спокойнее.

– Эван, мне он нужен обратно. Эван, пожалуйста.

Он кашлянул и после паузы отозвался:

– Короче, я постараюсь, посмотрю, если мы сможем к тебе туда попасть, но не знаю, мы вроде как скоро уезжаем. Я... мне просто действительно нравится их читать. Не знаю, когда я вижу себя там, это придает мне уверенности, что я существую.

«Эван», – произнесла я про себя.

– Когда выберешься оттуда, приезжай в Портленд, хорошо? Высунь голову на набережную и поспрашивай вокруг обо мне. Вместе мы не пропадем.

– Не вопрос, Эван, – ответила я.

– Чао-какао.

Телефон замолчал.

Айсис сосредоточилась на очередной фишке. Я положила руки на колени. Мои руки. Они брали еду из контейнеров для мусора. Дрались за места для ночлега и грязные одеяла. Они видели совсем другую жизнь, не такую, как здесь, где играют в игры в теплой комнате, пока вечер удаляется от нас там, за окном.

– Как твоя мама? Это странно, да? – спросила Айсис.

Она составила слово «мяч». Ей понадобилось десять минут, чтобы составить «мяч».

Я подсунула руки под ноги и навалилась на них всем весом. Мне нравилось ощущать давление на кости. У него был мой альбом, но зато у меня имелась еда и постель.

– У нее все отлично, – ответила я, мой голос звучал легко и непринужденно, – едет в отпуск в Портленд.

Когда я сказала Каспер, что чувствую себя безобразной, знаете, что она спросила?

Она спросила:

– На душе было безобразно, или ты ощущала себя безобразной, Чарли? Это две большие разницы, и я хочу чтобы ты поразмышляла над этой разницей. Это неотъемлемая часть твоего выздоровления.

Они действительно слишком много требовали от нас.

В группе Каспер задала нам вопрос:

– Кто ваши друзья? Есть ли какое-нибудь сообщество? Кто-то, с кем можно поговорить, с кем чувствуешь себя в безопасности там, на свободе?

– Кому вы можете доверять свои секреты? – поинтересовалась она.

Я знаю, кто я. То есть я не знаю наверняка, потому что мне всего семнадцать лет, но я знаю, какая я с другими людьми, в их глазах и в мыслях. Если вы храните школьные фотографии, спорим, что вы найдете меня там. Это легко. Кто эта угрюмая девочка? Даже если она находится между двух других детей, кажется, будто она одна на фото, потому что соседи стоят словно отдельно от нее. Ее одежда выглядит... невзрачной или вроде того. Грязной? Неопрятной? Она как будто пустое место. Вы даже не можете вспомнить ее имя? Вы легко найдете таких девочек на фотографиях. Мне даже не нужно описывать их. Вы найдете без труда тех, кто выделяется сообразительностью. Тех, кто выделяется силой или спортивными достижениями. И, наконец, похожие на меня – растрепанная девочка, лучше сказать, из бедной семьи, у нее ничего толком не получается, она сидит одна в столовой и все время рисует; ее толкают в коридоре, обзывают, потому что это ее роль, иногда она злится и в ответ пускает в ход кулаки – что еще ей остается делать? Вот поэтому, когда Каспер спросила: «Кому вы можете доверять свои секреты?» – я подумала: «Никому». Никому, кроме Эллис. Она была моим единственным шансом, и она выбрала меня. Вы, скорее всего, не понимаете, что я чувствую, потому что привыкли иметь друзей. Или, вероятно, у вас есть мама и папа или хотя бы один из них жив, и они не бьют вас. Никто не отодвигается от вас подальше, когда делают общую фотографию. Поэтому вы не знаете, как это: каждый день, каждый проклятый день чувствовать себя такой одинокой и ощущать, что черная дыра внутри поглощает тебя, – пока этот человек, по-настоящему чудесный, не пришел в твою школу. Ей просто наплевать, что все на нее глаза, на ее черное бархатное платье, колготки в сетку, большие черные ботинки, растрепанные волосы, покрашенные в фиолетовый цвет, и красные-красные губы.

В первый день она вошла в столовую и даже не встала в очередь с подносом, она просто посмотрела на весь этот чертов зоопарк, в какой превращалась школа в перерыве на ленч, и внезапно я заметила, что она идет ко мне, улыбаясь большими красными губами. Ее огромный черный рюкзак приземлился на стол, она начала рыться в нем в поисках конфет «Пикси Стикс» и «Кэнди Баттонз» и пододвинула их ко мне, ко мне (мой карандаш замер в воздухе над рисунком, потому что это все какая-то шутка, какой-то тщательно продуманный план, чтобы

посмеяться надо мной, но нет) и произнесла: «Господи, ты единственный нормальный человек в этом гадюшнике. Умираю, хочу кайфануть. Пойдем со мной после школы, словим кайф? О боже, мне нравятся твои волосы. И футболка. Ты купила или заказала в Интернете? Что это ты рисуешь, ого, это что-то неземное».

Она так называла все, что ей нравилось: «неземное». «Эта кружка совершенно неземная. Чарли, эта группа – что-то неземное». С того самого момента мир для меня словно покрылся золотом. Он засверкал. Я имею в виду, он все равно оставался паршивым, но теперь я чувствовала себя в нем лучше, понимаете? И я научилась хранить секреты. Я знала, что под толстым слоем светлого тонального крема она прятала лоскутное одеяло прыщей, из-за этого она плакала. Показывала мне пакеты с фастфудом в своем шкафу и говорила, ее тошнит от переедания. Она рассказала, что у ее отца была интрижка с ее родной теткой, и поэтому они переехали, и что родители работают над отношениями. Я узнала, что ее настоящее имя не Эллис, ее зовут Элеонора, но она решила попробовать что-то новое после переезда, но, боже упаси, не называй ее так при матери, потому что ее бабушку звали Элеонора, а та недавно умерла, и у матери будет истерика, настоящая истерика, и ух ты! Чарли, твои руки! Это ты сделала? Это вроде красиво. Пугающе, но вроде как красиво. Вчера в Хаймис я познакомилась с парнем, его зовут Майки. Магазин звукозаписи. Знаешь его? Конечно, знаешь, ну ты даешь. Он пригласил нас. Пойдем? У него неземные голубые глаза».

Когда мы тусовались в ее комнате с этими странными синими стенами, кучей постеров и солнечной системой на потолке, я могла рассказать ей все, и я рассказывала. «Чарли, Чарли, ты такая красивая, просто чертовски неземная». Мы держались за руки. На ней была белая фланелевая пижама с черными черепами.

Вот так. Моя хранилище секретов.

В четвертом классе у меня была учительница. Она ко всем относилась хорошо, даже к хулиганам. Никогда не кричала на нас. Меня она просто не трогала, правда, никогда не выгоняла на перемену или в спортзал, если я не хотела идти. Она позволяла мне сидеть в классе и рисовать, пока сама выставляла оценки или просто смотрела в большое прямоугольное окно. Однажды она сказала: «Шарлотта, я знаю, сейчас тебе нелегко, но все наладится. Иногда нужно немного подождать, чтобы встретить настоящего друга, и ты встретишь. О боже, у меня не было по-настоящему хорошей подруги вплоть до старших классов». Она дотронулась пальцами до маленького золотого сердечка на цепочке, висящего на шее.

Она была права. Я все-таки встретила настоящего друга. Но никто не предупредил, что она собиралась убить себя.

Каждый вечер Луиза что-то писала неразборчивыми каракулями в одной из своих черно-белых тетрадей. А закончив, надевала на ручку колпачок, закрывала тетрадь и перегибалась через край кровати лицом вниз так, что ее волосы струились вниз водопадом, и я видела ее шею – бледную кожу без шрамов с едва заметным пушком. Она проталкивала тетрадь под кровать, желала спокойной ночи и накрывалась с головой. Один раз я подождала, пока ее дыхание не станет ровным во сне, выползла из кровати и опустилась на колени. Заглянула под край ее одеяла. Под кроватью лежали дюжины, бесконечное множество тетрадей, все ее секреты были сложены в аккуратные черно-белые стопки.

Я должна внести исправление. Не хочу вводить вас в заблуждение. Я сказала, что Эллис убила себя, но это не означает, что она умерла по-настоящему. Ее тело не погребено, я не могу сходить к ней на могилу и положить маргаритки на ухоженную траву или пометить в календаре годовщину. Были наркотики, тот парень-волк, и она ускользнула от меня очень далеко, волк занял все ее сердце: он оказался ненасытным. А потом он закончил, облизал свои лапы и оставил ее изможденную, мою Эллис, мою пухленькую и излучающую тепло подругу. Забрал весь ее внутренний свет. И я так полагаю, что потом она решила скопировать меня. Она попыталась выкачать из себя всю жидкость, уменьшить себя, но все испортила. Как сказал Майки, резать

себя – это не ее. Я представляю ее комнату, утопающую в крови, реки крови, ее родителей, с боем пробирающихся к ней против течения. Но крови было слишком много, вы понимаете? Человек может потерять настолько много крови, что наступает кислородное голодание на продолжительное время и происходит геморрагический шок и гипоксическое повреждение головного мозга – все это опустошило мою подругу и оставило лишь ее тело. Родители отправили ее в какое-то место, похожее на это, но далеко-далеко отсюда, через всю страну, и запрятали ее там в новом доме, наполненном мягкими простынями, ежедневными неспешными прогулками и пусканием слюны. Никакого окрашивания волос, секса и айпода, никаких тяжелых ботинок, колготок в сетку, наркотиков, разбитых сердец и меня, никакого искупления вины. Ничего для Эллис. Только дни, заполненные пустотой, штаны на липучках и подгузники. И я просто не могу, не могу сделать то, что должна: дотронуться до нее, все исправить, расчесать волосы, неаккуратно спадающие на лицо, произнося шепотом бесконечное «прости».

Мне нужно было сделать что-то, иначе я могла взорваться.

Поговорить с Эваном, найти Майки, дожждаться его приезда. Думать об Эллис. Я так сильно, сильно, сильно скучаю по ней.

Все сидели в комнате для творчества, склонившись над длинными пластиковыми столами. Мисс Джонни обошла всех, бормоча под нос теплым глубоким голосом. Она носила фиолетовые тюрбаны и короткие рубашки прямого кроя.

Когда я впервые пришла на творчество и просто сидела без дела, она сказала: «Ты можешь сидеть столько, сколько тебе захочется. Это тоже хорошо, девочка». Я ничем не занималась, но не потому что мне не хотелось приклеивать блестящие звездочки на цветную бумагу или смешивать акварельные краски, я сидела так потому, что болели руки. Я чувствовала боль везде, вплоть до кончиков пальцев, и руки были очень тяжелыми в повязках.

Руки все еще болели. Но когда мисс Джонни сообщила:

– Мы с доктором Стинсоном тут немного поболтали, – и пододвинула ко мне красивый желтый блокнот с универсальной газетной бумагой и совершенно новый угольный грифель. Я жадно сжала пальцами карандаш. Небольшие вспышки боли прострелили мое предплечье снизу доверху. Шрамы еще были очень болезненные и стянутые, и будут такими еще очень долгое время, но мне было наплевать. Я тяжело дышала. Начала усердно работать. Мои пальцы стали лечить меня. Они так долго бездействовали.

Я рисовала ее. Рисовала их. Бумага наполнялась: Эллис и Майки, Эван и Дамп, даже малыш Дэнни. Я заполняла каждый миллиметр бумаги, пока там не появился весь мой мир с теми, кого мне не хватает.

Когда я подняла голову и огляделась, оказалось, что все уже ушли, кроме мисс Джонни, которая включила свет. За окном стемнело. Она пила кофе небольшими глотками из пластикового стакана и прокручивала текст в своем розовом телефоне. Потом подняла глаза и улыбнулась.

– Лучше? – спросила она.

– Лучше, – кивнула я в ответ.

Сегодня я с нетерпением ждала встречи с Каспер. Хотела рассказать ей о занятиях творчеством, о том, что я нарисовала и что значит для меня рисование. Думаю, она обрадуется. Но я толкнула дверь и увидела, что она не одна. С ней была доктор Хэлен.

Черепаша спряталась внутрь затонувшего корабля.

Когда я вошла, доктор Хэлен обернулась и произнесла:

– О, Шарлотта, пожалуйста, присаживайся здесь. – И похлопала по коричневому стулу, на котором я обычно сидела. Я посмотрела на Каспер, но она не так добродушно улыбалась, как обычно. Улыбка была... не такая широкая.

Доктор Хэлен намного старше Каспер, с морщинами в уголках глаз и слишком темными румянами для ее цвета кожи.

– Мы с доктором Стинсоном обсуждали твоё улучшение, Шарлотта. И я очень довольна, что ты сделала такие большие успехи за столь короткое время.

Я не знала, что должна: ответить ей, улыбнуться или ещё что-то, поэтому молчала. Я начинала пощипывать свои бедра через цветастую юбку, но Каспер заметила это и нахмурилась, поэтому я прекратила.

– Тебе пришлось столько всего испытать в таком юном возрасте, я просто...

И тут она странным образом остановилась и стиснула зубы, и заговорила очень резко, обращаясь к Каспер:

– Ты собираешься мне помочь с этим, Бетани?

Я все ещё пыталась осознать это имя Каспер: «Бетани, Бетани, Бетани», поэтому мне требовалось время, чтобы понять, что она говорит мне.

– Что? – спросила я.

Каспер повторила:

– Мы выписываем тебя.

Потом доктор Хэлен рассказала мне о специальном психиатрическом лечении, которое я проходила в больнице, о моей матери, что ей нужно встретиться с судьёй и подписать бумаги, потому что «ты могла причинить вред себе и другим», о страховке, о моей бабуле, о которой я не вспоминала уже долгое время. Эти слова с шумом ударились в моей голове, а сердце все сжималось и сжималось. Я спросила о матери, но оказалось, что я начала заикаться. Тогда я стала кусать язык, пока не почувствовала слабый металлический привкус крови во рту.

– Твоя мама в настоящий момент не работает, поэтому страховых выплат нет. Насколько я понимаю, часть твоего пребывания здесь оплатила твоя бабушка, но она больше не может себе этого позволить из-за ухудшения здоровья и собственных денежных проблем, – сообщила Каспер.

– Что-то случилось с моей бабушкой?

– Я не знаю, – ответила Каспер.

– Вы говорили с моей мамой?

Каспер кивнула.

– Она... она что-нибудь говорила обо мне?

Каспер посмотрела на доктора Хэлен, та продолжила:

– Мы стараемся изо всех сил, чтобы найти для тебя средства. Кстати, Бетани, как там насчет места в доме на Пэлас?

Пока Каспер молчала, доктор Хэлен листала стопку бумаг на коленях.

– Есть один дом для временного проживания, у них, возможно, появится комната для тебя уже в следующем месяце. Они специализируются на наркотической зависимости, но это только одна из твоих проблем. Тогда перед этим тебе надо будет пожить со своей матерью, конечно, с того момента, как мы не сможем больше держать тебя здесь. Никто не хочет, чтобы ты оказалась в той прежней ситуации, никто.

Под «прежней ситуацией» имелась в виду жизнь на улице. Имелось в виду копать в мусорных баках. Холод, болезни, Проклятый Фрэнк и мужчины, которые занимаются сексом с девочками.

Я посмотрела на черепаху. Ее лапки подергивались, словно она пожимала плечами, говоря мне: «Что ты от меня ждешь? Я всего лишь чертова черепаха, застрявшая в аквариуме».

За окном небо становилось серым и тяжелым. Проклятый Фрэнк. Дом для временного проживания. Меня опять отправляют на улицу.

– На улице все еще холодно, – произнесла я, как маленький ребенок, и это разозлило меня еще больше.

– Мы сделаем все, что в наших силах, но речь точно не идет о длительном примирении с твоей матерью, даже если будут помогать консультанты. Она согласилась приютить тебя, пока

не освободится комната в доме временного проживания. Это определенно говорит о том, что она старается, – сказала доктор Хэлен.

Я в отчаянии посмотрела на Каспер. И подумала, что ее глаза – это самое грустное, что я видела на протяжении очень-очень долгого времени.

Она медленно-медленно покачала головой:

– Я не вижу другого выхода, Шарлотта. Мне очень жаль.

Однажды моя мать ударила меня по уху так сильно, что я слышала рев поездов в ухе еще неделю. Я встала и пошла к двери.

Каспер произнесла:

– Мы не отказываемся от тебя, Шарлотта. Мы изучили все возможные варианты, их просто нет...

– Нет, – я открыла дверь, – спасибо. Теперь я пойду к себе в комнату.

Каспер назвала мое имя, но я не остановилась. В ушах роилось море пчел. Наши комнаты находились на четвертом этаже в крыле Диннакен. Я прошла мимо Луизы и направилась в ванную; постояла там какое-то время. Луиза позвала меня по имени.

Тогда я зашла в душ и принялась биться лбом об стену, пока пчелы не погибли.

Когда Каспер вбежала в ванную, она схватила меня за талию и потянула, пытаясь остановить меня. Я взяла ее красивые каштановые волосы, напоминающие пух птенца, в руки и дернула так резко, что она закричала и оттолкнула меня. Я сползла на пол, теплая кровь сочилась вниз по губам.

Я пробормотала:

– Простите, простите, простите, простите, простите, простите.

Похожие на перья пучки ее волос колыхались в моих руках. Я никогда не стану такой, как Каспер, – красивой или нормальной. И по мере того, как я это осознавала, вся информация выходила наружу, все, что она когда-то спрашивала у меня.

Я рассказала ей, что после того как умер отец, мать сжалась и превратилась в напряженное и страшное существо, в доме больше не звучала музыка, не было объятий, она ходила как привидение и курила. Если я попадалась на ее пути, или звонили из школы, или я брала деньги из ее кошелька, или просто я была, она начинала орать. Несколько лет она кричала на меня. Когда устала кричать, она стала бить.

Пока я рассказывала, Каспер промокала мое лицо куском ткани. Луиза стояла, сжав руки, в дверном проеме. За ней толпились девушки, толкаясь, они старались увидеть, что происходит.

Я продолжала: она долгое время била меня, я начала драться в ответ.

Я умоляла: пожалуйста, не заставляйте меня возвращаться на улицу. Рассказала ей о мужчине в переходе, как он сломал мне зуб и во мне что-то надломилось. Мне больно было все это говорить, но я продолжала, все пугающие слова, что были в моем сердце – про Эллис, про Проклятого Фрэнка.

Я остановилась. Ее глаза стали мокрыми от слез. Я слишком много рассказала. Два санитара проложили себе путь сквозь толпу девушек. У Каспер виднелись капли крови у корней волос – маленькие красные точки среди каштанового цвета. Санитары помогли ей встать, и она не произнесла ни слова, просто ушла, прихрамывая.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ:

Рождается девочка.

Папа любит ее. Мама любит папу.

Папа грустит.

Папа пьет, курит, качается в кресле и плачет.
Река забирает его.

Мама превращается в кулак.

Девочка одинока.

Девочке плохо в этом мире.

Никто не любит девочку.

Она старается.

Но у нее каша во рту.

«Глупая девочка. Рассерженная девочка».

Доктора: «Дайте ей лекарства».

Ленивая девочка. Лекарства превратили ее в кашу.

Мать бьет девочку. Девочка втягивает голову в плечи.

Девочка становится тихой. Она молчит дома. Молчит в школе. Маленькая вялая мышь.
Девочка слушает радио. Девочка находит музыку. Девочка живет в совершенно другом мире.

Девочка надевает наушники. Окружающий мир исчезает.

Девочка рисует, и рисует, и рисует. Окружающий мир исчезает.

Девочка находит нож. Девочка делает себя маленькой, маленькой, еще меньше. Окружающий мир исчезает.

Девочка, должно быть, плохая, поэтому она себя режет. Плохая девочка. Окружающий мир исчезает.

Девочка встречает другую девочку. Прекрасную девочку! Они наблюдают, как планеты движутся по потолку.

Они копят деньги, чтобы уехать в Париж. Или в Лондон. Или в Исландию. Не важно куда.

Существо, похожее на девочку, влюбляется в парня, но он любит Прекрасную девочку.

Прекрасная девочка знакомится с парнем-волком. Он захватывает ее целиком, делая ее маленькой.

Прекрасная девочка все время занята.

Девочка отвечает на побои матери. Они машут руками, как ветряные мельницы. Девочка оказывается на улице.

Девочка остается с Прекрасной девочкой, но парень-волк оставляет им наркотики.

Родители Прекрасной девочки разгневаны. Прекрасная девочка обманывает их и сваливает вину на девочку.

Девочка оказывается на улице. Девочка идет домой.

Прекрасная девочка пишет ей эсэмэску. «Что-то не так. Очень больно».

Девочка надевает наушники. Девочка задвигает телефон под подушку.

Прекрасная девочка теряет слишком много крови.

Девочка все испортила, слишком запуталась, разбитое сердце, чувство вины.

Девочка ломает матери нос.

Девочка на улице.

Мир исчезает.

Пока я находилась здесь, но не знаю, надолго ли. Меня освободили от индивидуальных занятий с Каспер. Мои документы были готовы, и дата выписки назначена. Они получили еще одну экстренную отсрочку от судьи, пока договорились с моей матерью и с домом временного проживания.

Каспер по-прежнему была добра ко мне, но теперь между нами что-то появилось – дистанция, она ранила мое сердце. Я снова начинала просить прощения, но Каспер только грустно качала головой.

Каждое утро Винни проверял швы у меня на лбу, цокая языком. Блю звала меня Франкенштейн; она произносила это шепотом, как в фильмах ужасов. Я шла туда, где должна быть. Поздним вечером просто притворялась, что учусь. На самом деле я пыталась написать сообщение Майки, пока Барберо был занят или дремал, но вместо ответа было лишь пустое окно чата. Вечерами я наблюдала за уборщиками из Сомали, дрейфующими вдоль окон офисного здания по соседству, они волокли за собой тележки с ведрами и моющими средствами, швабры и тряпки.

Теперь небо выглядело сказочно, как на открытках: дождевые облака не такие большие, солнце с каждым днем светило сильнее. Когда я смотрела вдаль за окно, я видела бескрайнюю территорию университета среди возвышающихся серебристых зданий и еще извилину реки, похожую на змею. Она вела к собору Святого Петра, к Сид Хаус и к чувству голода, к грязи, к боли, к ощущению, что силы снова на исходе, поскольку мне больше некуда идти.

Саша делала попкорн. Винни принес концентрированные порошковые ароматизаторы в маленьких жестяных банках: масло, кайенский перец, пармезан. Дома он приготовил противень шоколадных кексов, и Фрэнси помогала ему покрыть их глазурью. В комнате зазвонил телефон. Я переключала телевизионные каналы один за другим, пока не услышала свое имя. Винни потряс телефоном в мою сторону.

Я услышала дыхание в трубке и несмело произнесла:

– Аллю.

– Чарли, ты не внесла меня в список посетителей! «Майки».

Я чуть не выронила телефонную трубку. Схватила ее обеими руками, чтобы унять дрожь.
– Я же говорил, что приду! Тебе надо было внести меня в список посетителей или что-то в этом роде. Я пробуду здесь еще один день. Сегодня вечером концерт, а утром мы улетаем.

– Но я вносила тебя в список! – Мои мысли бешено неслись. Неужели Каспер забыла? Или они просто вычеркнули его, так как меня все равно выписывают? – Где ты? Ты мне нужен. Они...

– Повесь трубку, Чарли. Там есть окно? Я на парковке у входа.

Я положила трубку и побежала к окну, прижалась лицом к стеклу. Мой взгляд привлекло оранжевое мельтешение. Он стоял на парковке и махал в воздухе оранжевым дорожным конусом. Когда он увидел меня, выпустил конус из рук.

Каким-то образом Майки выглядел так же, как и раньше. Он выглядел открытым и взволнованным. И безопасным.

Накрапывал дождь, небольшие капли блестели на его дредах. Он казался мощнее, хотя все еще небольшого роста. Жестом он спросил: «Что случилось?»

Я лбом ощутила холод стекла. В углу Винни играл с Сашей и Фрэнси в «Гоу Фиш». Блю сидела на диване и что-то мямлила себе под нос.

Я смотрела на него, и слезы градом текли по лицу – он стоял под дождем с открытым ртом, щеки покраснелись.

Винни выразительно произнес:

– Чарли.

Блю зашевелилась на диване. Она присоединилась ко мне у окна.

– Какой-то парень. – Дыхание Блю оставило запотевший круг на стекле. – Настоящий живой парень.

Саша и Фрэнси бросили свои карты.

Осенью, когда мы учились в девятом классе, Эллис впервые привела меня к себе домой – мы были с ней знакомы около недели. Она сделала вид, что не замечает в своем подвале парня постарше нас, который одной рукой держал комиксы, а другую засунул в пакет с солеными крендельками. На его кроссовках были изображены символы анархии, нарисованные фломастером. Он посмотрел на Эллис снизу вверх, с ртом, набитым крендельками, и улыбнулся. «Твоя мама впустила меня. Кто это?»

На нем была футболка с изображением группы «Блэк Флэг». Не сдержавшись, я произнесла: «Я на грани нервного срыва».

Он опустил вниз книгу с комиксами. И ответил: «У меня очень болит голова». Он ждал, его глаза блестели.

«Если я не найду выход отсюда!» – закричала я, ошеломив Эллис у бара. Она уставилась на меня.

Парень рассмеялся и прокричал в ответ: «То начну крушить все вокруг!»

Мы пропели оставшуюся часть песни, пока Эллис рылась в родительском мини-холодильнике. Было видно, что она немного обижена. Она не любила такую музыку. Ей нравилась музыка готов и депрессивные вещи, как, например, «Баухаус» или «Велвет Андеграунд». Никто в школе больше не знал текст песни «Нервный срыв», я в этом не сомневалась.

Но ей не следовало волноваться. Она всегда нравилась Майки больше.

Саша и Фрэнси заохали в унисон, собираясь у окна.

Я задрала рукава свитера и прижала руки к стеклу. Ему видно мои шрамы оттуда, снизу?

Майки закрыл лицо руками. Я помнила этот жест. Он часто его использовал, когда мы с Эллис делали что-то, что его расстраивало. «Эй, ребята, – говорил он уставшим голосом, – прекратите уже».

Винни встал рядом с Блю и пробубнил низким голосом:

– Черт.

– Девчонки, – ворчал он. – Проклятые девчонки и парни. – Он резко постучал по стеклу, от чего Саша отпрыгнула назад.

– Уходи! – прокричал он Майки через стекло. Про себя же он пробормотал: – Не заставляй меня звать кого-то еще, сынок. Ты! Опусть свои чертовы руки.

– Это как в том фильме! – воскликнула Фрэнси.

Я ждала, пока Майки уберет руки от лица. Его футболка насквозь промокла от дождя.

Саша начала плакать.

– Никто не приходит навесить меня, – выла она. Винни снова пробормотал:

– Черт. – И нажал кнопки на своем пейджере. Блю положила ладонь мне на плечо.

– Заткнись к черту, – Фрэнси начала волноваться. – И меня никто никогда не навещает. – Она начала ковырять ногтями свой подбородок, на нем появились небольшие крапинки крови.

– Смотрите, – тихо произнесла Блю.

Майки открыл большую сумку через плечо и яростно поводит рукой, написал каракулями в тетради, прижатой к коленям. Он поднял ее вверх. Я украдкой посмотрела сквозь стекло, сквозь дождь.

«НЕ СМЕЙ».

Он бросил бумагу. Она затрепетала и выровнялась на сырой земле, остановившись у его кроссовки. Он вырвал еще одну страницу из тетради.

«ТЫ».

Медбрат Винни постучал, прижимая свою бумагу к стеклу, пока нарастал Сашин вой.

– Заткнись, – сказала ей Фрэнси. И толкнула ее, что только усилило завывания.

– У меня тут проблема, – сообщил Винни в телефон.

Майки сражался со следующим листом бумаги, застрявшем в пружине тетради. Двое санитаров больницы шли неторопливым шагом через парковку. Они громко кричали Майки, его бумага вырвалась из рук, и ее подхватил ветер. Майки побежал за ней, поскользнулся в луже и упал. Блю вздохнула. Мы посмотрели друг на друга. Ее глаза блестели.

– Что-то исключительное, – прошептала она. – Абсолютно исключительное.

Она обвила мои пальцы своими и прижала к стеклу.

– Это полная преданность, Молчаливая Сью. Ты понимаешь это, да? – спросила Блю.

Мужчины, вернее студенты, работавшие по выходным, с мускулистыми руками и подстриженными волосами, подхватили Майки и подняли над землей. Он боролся с ними, подошвы его кроссовок скользили в луже. Он плакал неприятными, стыдливими слезами мальчишки. Они отпустили его, на их лицах раздражение сменилось любопытством. Было странно видеть его, приземистого с непослушными дредами, в одежде из секонд-хенда, рядом с двумя санитарями, на которых чуть ли не трещала по швам ослепительно-белая униформа. Все они почти одногодки; между ними пропасть.

– Вы, куски дерьма! – кричал медбрат Винни. – Чертовы куски дерьма. Не делайте этого, не позволяйте ему, черт возьми, делать это!

Санитары пожали плечами.

Майки поднял вверх промокшую бумагу.

«УМИРАТЬ».

«Не смей ты умирать». Чернила «кровили» дождем.

Саша отрешенно билась головой о стекло. Винни отвел ее, осторожно глядя по рукам, так близко, как только осмелился.

Сестра Ава, которая всех обнимала и не заботилась о правилах, вошла в комнату и позволила Фрэнси прильнуть к ней – ее всхлипывания утопали в белой рубашке Авы. Мы с Блю наблюдали, как парни смахивают капли дождя со своих голых рук и резко дергают подбородками в сторону Майки. Рядом с ними он выглядел так, словно ему снова семнадцать. Но ему уже двадцать один, и он проделал этот путь, чтобы увидеться со мной. Я хотела разбить окно,

полететь вниз на парковку и позволить ему обнять меня. «Полная преданность», как сказала Блю. Майки, наверное, полюбил бы меня, если бы мы остались вдвоем.

Мое тело накрыла волна надежды.

Майки вытер лицо, положил мокрую тетрадь обратно в сумку. Потом поднял руку и показал мне жестом «Пока».

Парни подтолкнули его, чтобы он уходил. Он пошел, шаркая ногами, по мокрому тротуару и исчез из вида.

Все происходило очень быстро.

Я не отрываясь смотрела в компьютер, на страницу с моим онлайн-уроком, хотя заниматься не собиралась. Мне предстояло утром уехать домой с матерью. Комната в доме для временного проживания освободится еще не скоро.

Эллис обиделась на нас с Майки, когда мы вдвоем пели песню группы «Блэк Флэг». Она отвернулась от нас и бросила пластинку на вертушку. У нее, как и у меня, был настоящий проигрыватель грампластинок, и пластинки, много пластинок, не просто обычная куча компакт-дисков, не забитый записями айпод или телефон, как у других ребят. У нее были блюзовые пластинки в рамках на стене и большие постеры групп «Велвет Андеграунд» и «Дорз». Ветхий, покрытый пятнами замшевый диван стоял, ссутулившись, у стены с деревянной облицовкой; бар представлял собой стену из искусственного кирпича с тремя высокими стульями и тарахтящим холодильником. Потолок подвала был низким, воздух – влажным и пах плесенью. Мне нравилось там, в этом тесном и уютном месте. Там чувствовалась непринужденность, не то что в квартире моей матери, где было темно, много журналов и повсюду стояли переполненные пепельницы. Эллис поставила три банки с пивом на барную стойку.

Я недоумевала, почему она выбрала меня своей подругой: меня, с кое-как подстриженными рыже-черными волосами, в дырявых кардиганах и рваных джинсах, которые скрывали то, о чем Эллис еще не знала. Я привыкла гулять на задворках школы, не обращать внимания на ругательства, написанные каракулями на моем шкафчике, и скрежетать зубами, когда меня толкали в туалете. Она каким-то образом нашла меня, это создание в бархатных платьях, полосатых колготках и ботинках Франкенштейна, с лицом, белым от пудры, и с помадой насыщенного пурпурного цвета. Я наблюдала за тем, как парень постарше нас смотрит на Эллис. На его лице читалась страсть, которая одновременно интересовала и разочаровывала меня.

Эллис по-медвежьи глотнула пива, вытерла рот и вскинула голову, ее только что выкрашенные волосы цвета вороного крыла ударились о напудренные щеки. «Майки живет дальше по улице, но он ходит в какую-то безумную либеральную и независимую школу».

С первых же строчек необычный темп группы «Зе Смитс» нарастал: «Я покинул север, я отправился на юг...», это талантливое и возбуждающее звучание – я не могла ему противостоять, несмотря на любимую музыку, которая жила в моей голове и бушевала в моем сердце.

Парень постарше нас, Майки, встал, кинул в сторону комиксы и схватил Эллис за руки. Они прыгали вверх-вниз и пели в унисон: «Я нашел маленький дом и не могу сдержать своих чувств». Эллис и Майки протянули мне руки, лицо Эллис разругалось, и у нее закружилась голова.

Днем, когда мы шли к ней домой, она сказала: «Единственный способ пережить еще один скучный день – это знать, что я могу пойти домой и выпить до потери сознания к вечеру».

Теплое пиво бурлило у меня в животе, пьянящая музыка проникала под кожу. В подвале пахло старой деревянной отделкой, несвежим попкорном и грязным ковром с розовым ворсом. В течение многих лет никто не хотел общаться со мной. В течение многих лет меня запугивали, орали на меня, смеялись надо мной и сейчас, сейчас у меня было двое чудесных людей, которые выбрали меня. Меня.

Я позволила им привлечь меня к себе.

Я тряхнула головой, чтобы освободиться от мыслей, сидя за компьютером. Да пошло оно все. Что они могут сделать для меня сейчас, в настоящий момент? Я обернулась и посмотрела на Барbero: он сидел, уткнувшись в свой айпод, и пожимал плечами. Он изменился с тех пор, как Джен С. уехала. Я зашла в свою почту и открыла окно чата, мое сердце колотилось. «Пожалуйста, будь там, пожалуйста».

Мигнул курсор, и появилась надпись «Майкл печатает», а потом:

«Прости, что не получилось в больнице. Не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое, что и с Э. Завтра утром я уезжаю в трехнедельный тур с концертами. Постараюсь снова позвонить тебе в больницу».

Промозглая квартира моей матери на Эджкамб, на втором этаже накренившегося здания с отвалившейся облицовкой, и жестяная банка на балконе, полная окурков и чеков. У меня нет другого выбора. Нужно положиться на удачу.

«Майки, – напечатала я, – пожалуйста, спаси меня».

Мне снятся мухи, тучи мух садятся на меня, впиваясь через одежду. Мухи – это демоны тех людей, там, на улице. Они едят меня понемногу, переползают через мои зловония, едят на мне, от них тошнит. Я проснулась и услышала: «Остановись».

Это Блю, она стояла на коленях у моей кровати, отталкивая мои свисающие руки. Ее волосы спадали на лицо.

– Слушай, мне надо кое-что тебе рассказать... Однажды я удрала от своего отца. Добралась до самой Индианы, побывав во многих местах. До чертовой Индианы!

Блю рассказала мне, как на нее настучали, что она принимала кокаин, и ей пришлось отрабатывать в супермаркете «Эй-энд-Пи». Она говорила: «Мое тело было наэлектризовано настолько, что я могла думать лишь о том, как выбраться оттуда, пойти в свою чертову квартиру и порезать себя. И чем лучше бы я себя почувствовала, тем скорее смогла бы забыть эту гребаную работу».

Блю работала все быстрее и быстрее, стараясь разместить все коробки с хлопьями на полках, расставляла их и наклеивала ценники. Она потела, вытирая фиолетовой униформой свое лицо, и тогда начала слышать смех.

– Как будто сам магазин смеялся надо мной. Коробки с хлопьями, машинка для наклеивания ценников, чертова тележка, лампы. Вещи в супермаркете смеялись над моей тупой задницей. Как будто даже неодушевленные предметы знали, какой неудачницей и идиоткой я была. – Ее лицо покрылось пятнами, глаза увлажнились. – И тогда я знала, именно в тот момент, что я пойду домой и убью себя. И. Вот. Я. Здесь.

Я слышала, как Луиза дышит на своей кровати. Она проснулась и стала слушать.

Блю пронзила меня своими мокрыми глазами и глубоко вздохнула.

– Мораль истории, Чарли: не позволяй хлопьям уничтожить тебя. Это всего лишь чертова коробка с готовым завтраком, но она может сожрать тебя заживо, если ты ей позволишь.

– Мне тревожно, что ты уезжаешь со своей аптечкой. Даже если она пустая, – сказала Каспер.

Я сидела на краю кровати. Рюкзак лежал на коленях. Луиза отдала мне свой чемодан – прямоугольная прочная старомодная вещь, с нанесенными через трафарет черепами и розами. Она пожала плечами:

– Все равно это моя конечная остановка на какое-то время.

Луиза еле заметно улыбнулась, и от этого я ощутила беспокойство, но она просто теребила кончики своих волос. Сделала шаг вперед и быстро поцеловала меня в щеку, потом прошептала:

– Я хотела бы, чтобы ты осталась подольше. Мне столько надо тебе рассказать. Я уверена: ты бы все поняла.

Мне вернули мои вещи: фотоаппарат «Лэнд», мои носки, мешочек с угольными грифелями и карандаши – это все поместилось в чемодан. Мисс Джонни также вручила мне новенький альбом, очень красивый. Скорее всего, она купила его на свои деньги, и от этого мне стало немного неловко.

Каспер взгромоздилась на складной стул из комнаты отдыха. Докторам не разрешалось садиться на кровати пациентов.

Она посмотрела на меня своими огромными добрыми голубыми глазами. Я все еще чувствовала себя скверно из-за того, как с ней поступила.

Она подняла руки и обрисовала в воздухе мой силуэт. Когда пальцы дошли до ботинок, она произнесла:

– Ты принадлежишь сама себе, Чарли. До последней частицы. – Она сделала паузу. – Ты понимаешь, что будет дальше, да?

Я с трудом проглотила слюну.

– Я буду снова жить со своей матерью.

Каспер дала мне лист бумаги с контактами дома временного проживания и группы поддержки, с телефоном горячей линии, со своим электронным адресом. Я положила его на дно рюкзака.

– Никаких наркотиков, алкоголя и игр в молчанку. Ты должна хорошо поработать, Шарлотта, чтобы быть выше своих старых привычек. Ничего не менять, конечно, проще, даже если мы знаем, что такая жизнь причиняет нам боль. Ты же вступаешь на новую неизведанную территорию.

Я подтянула рюкзак ближе и прижала его к себе. Я не могла посмотреть на Каспер. Сосредоточилась на скользкой ткани рюкзака. «Мама, мама, мама».

Каспер произнесла:

– Прохладный мох. – И улыбнулась мне.

Я молчала.

Она попробовала опять:

– Ты выглядишь, как фермерша, Шарлотта. Очень обеспокоенная, лысеющая фермерша.

Я посмотрела вниз на комбинезон сестры Майки, футболку с группой «Зе Дэд», потрепанное полупальто, которые передала его мама. Я ерзала ногами в ботинках. Совсем отвыкла от их тяжелого осязаемого ощущения на ногах. Когда Винни принес мне эти ботинки, я долго держала их, прижав к себе.

Мы молча прошли по коридору мимо закрытой комнаты отдыха. Я услышала приглушенные голоса за дверью. Как и с Джен, им не разрешили попрощаться со мной. Пока я спускалась в лифте, в моем желудке выросла огромный огненный шар. Слова снова ускользали от меня. Двери раздвинулись.

Она стояла у стойки, держа пачку бумаг и конверт. Вся в сером: куртка на молнии, джинсы с дыркой на одной коленке, кроссовки и вязаная шапка.

Единственное яркое пятно на моей матери – цвет ее волос.

Они все еще напоминали пламя огненно-красного насыщенного цвета, собранное в гладкий хвост.

Мои русые волосы были убраны под красную шерстяную шапку сестры Майки, их совсем немного с тех пор, как я отрезала мою «уличную» копну, выкрашенную в черный цвет.

Моя мать не улыбалась, но я на самом деле и не надеялась на это. Хотя, всего на мгновение, я заметила какую-то неясную тень, промелькнувшую в ее взгляде.

Но она быстро исчезла.

Я засунула свои дрожащие руки в карманы. Сжала кулаки, так крепко, как только могла. Я не видела ее почти год.

Каспер с деловым видом подошла к моей матери.

– Спасибо, что пришли, Мисти. – Она огляделась и позвала меня жестом. – Чарли, пора. Чем ближе я подходила, тем более маленькой себя ощущала. Я ускользала – вот оно, опять, то, что Каспер называет расстройством психической деятельности. Если бы только моя мать улыбнулась, или дотронулась до меня, или сделала еще хоть что-нибудь...

На мгновение ее взгляд задержался на мне, потом она повернулась к Касперу.

– Я рада наконец встретиться с вами. Спасибо за все. За Шарлотту и за все остальное.

– Не стоит благодарности. Чарли, береги себя.

Каспер не улыбалась, не хмурилась, она просто коснулась моей руки и слегка подтолкнула меня, прежде чем уйти к лифту.

Моя мать пошла по направлению к двери больницы, поднимающейся вверх, ее хвост безжизненно поник на куртке. Не оборачиваясь, она спросила:

– Ты идешь?

На улице небо было похоже на лоскутное одеяло из кучевых облаков. Дешевые кроссовки моей матери скрипели по асфальту.

– У меня сейчас нет машины, – сказала она себе под нос, закуривая на ходу. Интересно, как она добралась до больницы? Впрочем, кто-нибудь мог ее подбросить. Она всегда ненавидела автобусы.

На улице тепло; кончик ее носа блестел. Я уже сейчас могла сказать, что мне будет жарко в пальто. Когда мы подошли к повороту, я обернулась: и вот они все у окна на четвертом этаже, стоят словно куклы, наблюдая за мной. Блю держала руки на стекле.

Моя мать свернула за угол.

Мне пришлось перейти на бег, чтобы догнать ее. Я начала говорить то, что мы с Каспером отрепетировали. При этом старалась, чтобы это звучало правдоподобно, поскольку знала, какой передо мной выбор.

– Я буду следовать правилам, ма. Все, как ты скажешь. Найду работу и прочее, хорошо?

Она остановилась так резко, что я врезалась ей в плечо. Я уже почти одного роста с ней, хотя это ни о чем не говорит. Мы обе невысокие.

Она протянула мне конверт.

– Держи, это твое: билет на автобус, свидетельство о рождении – вся эта ерунда.

Я не понимала.

– Что?

Я не брала конверт, поэтому она схватила мою руку и загнула мои пальцы за края конверта.

– На большее я пойти просто не могу, Шарлотта. Там все, что тебе нужно, хорошо?

– Я думала... я думала, я поеду домой. С тобой.

Она курила, и я заметила, какие сухие и потрескавшиеся у нее руки. Она затынулась в последний раз и придавила окурок кроссовкой.

Я украдкой бросила взгляд на небольшой бугорок у нее на переносице. Это я сломала ей нос сковородкой. Она устремила взор на машины, проносящиеся мимо, ее губы дрожали. Она не смотрела мне в лицо, и я не могла долго смотреть на нее.

Столько всего разрушено между нами. Мои глаза затуманились.

– Твой друг Майк заходил ко мне вчера поздно вечером. Мы все знаем, что у нас с тобой ничего не получится, как и в этом дурацком доме временного проживания для подростков. Ты не такая, Шарлотта. Я не знаю, какая ты, но и я другая, и я уверена, что какой-то там дом с комендантским часом совсем не то, что тебе нужно. Мама Майки купила тебе билет на автобус до Аризоны. Ты будешь жить в его квартире там. Он обещал помочь тебе.

Она стала рыться в кармане, чтобы снова закурить.

– Он оставил для тебя письмо. Ты будешь одна совсем недолго, пока он не вернется из поездки. Я полагаю, он работает администратором у какой-то музыкальной группы? Майк хороший, Шарлотта. Постарайся не испортить все.

Получается, что Майки предпринял кое-что, когда получил мое сообщение. Мне не придется жить с матерью! Мне нужно сесть в проклятый автобус и поехать в дурацкую пустыню. Далеко-далеко от Проклятого Фрэнка! От проклятой реки! От всего этого!

Я была так рада, и так напугана, и так смущена, что не знала, как поступить.

Медленно, дрожащими руками я открыла конверт и бегло просмотрела автобусный билет, мое старое удостоверение личности, мое свидетельство о рождении. Там лежало сложенное письмо – оно, должно быть, от Майки – и то, что заставило сердце едва ли не выпрыгнуть из груди.

Пачка купюр, перевязанная резинкой и завернутая в целлофан. Я уставилась на деньги, и постепенно до меня дошло, что это.

– Как... как ты это достала?

Моя мать сделала глубокую затяжку.

– Мама Элеоноры нашла недавно эту пачку. Они продают дом и переезжают на запад. Чтобы жить поближе к ней. Она в Айдахо, ты же знаешь.

Париж, Лондон, Исландия. Все равно, лишь бы куда. Мы с Эллис стригли лужайки, помогали Мисс Хэмпл на Шербёрн-стрит разобраться в ее гараже. Это было трудно и заняло много времени. Она была кем-то вроде писательницы и хранила кучу папок со свежими вырезками и старыми журналами. Мы старались делать все, чтобы заработать денег.

– Джуди подумала, что следует отдать это тебе.

Я положила пачку в карман пальто и быстро вытерла глаза. Не хотела, чтобы она видела мои слезы.

Кое-что застряло у меня в горле – «прости, прости, прости, прости, я скучаю по тебе», – но оно так и осталось там, тихое и задвинутое вглубь. Моя мать произнесла:

– Мне надо идти, Шарлотта. Надо кое-куда успеть.

Она уже собралась уходить, но неожиданно повернулась, обняла меня так крепко, что я не могла дышать. Настолько крепко, что у меня поплыли красные круги перед глазами, и потом прижала губы к моему уху. Она прошептала:

– Ты только не думай, что это не разбивает вдребезги мое сердце.

Потом она ушла, и мне стало очень-очень холодно стоять там на углу Риверсайд и Двадцать второй стрит. Пустота нашего мира такая огромная и одновременно такая маленькая... Автобусная станция перевозчика «Грейхаунд» находилась довольно далеко. А я даже не знала, который сейчас час.

Я уткнулась в билет. «Отправление: Миннеаполис, Миннесота. Прибытие: Тусон, Аризона». Пробежала глазами остальное: названия городов, где останавливается автобус, проплывали у меня перед глазами. Пустыня. Когда я просила Майки спасти меня, он какое-то время молчал, потом наконец напечатал: «Работаю над этим» и отключился.

Я еду в пустыню. Я поеду одна на автобусе через бог-знает-сколько-штатов, чтобы быть с Майки, хотя никогда за всю жизнь нигде не бывала. И как мне добраться до автобусной станции? Сколько сейчас времени? Я оглянулась на здание больницы и задалась вопросом, не вернуться ли мне назад, но потом поняла, что не могу. Они думают, что я ушла вместе с матерью. И потом, что мне делать, когда я вернусь туда? Как долго Майки будет отсутствовать? Долго ли я проживу одна?

Все произошло слишком быстро, и я не могла дышать. Мне стало очень жарко в пальто.

– Тебя подбросить, драчунья?

Я повернула голову – белый фургон с логотипом больницы медленно ехал рядом со мной. Винни выбросил из окна сигарету.

– Залезай.

В фургоне он сказал:

– Я знаю только одно – сейчас я еду забирать страдающих анорексией, которые находятся в торговом центре «Молл оф Америка», ты поняла? Я не перевожу несовершеннолетнюю без сопровождения ее законного опекуна в месторасположение, не подлежащее огласке.

И Винни дал полный газ.

– Пристегнись! Мне не нужны трупы девчонок в этом драндулете. Куда направляемся?

Я назвала место. Мы молчали всю дорогу до автобусной станции «Грейхаунд». Там внутри находилось всего несколько человек, окруженных чемоданами и коробками, бумажными и пластиковыми пакетами. Он выудил несколько купюр из кармана своего черного пальто и вложил мне в руку.

– Я не хочу, чтобы ты появилась здесь снова, Чарли, милая.

Я кивнула, глаза застилала слезы.

– Любая сломанная вещь или человек – все поправимо. Я так считаю. – Винни бросил взгляд на автобусную станцию. – Теперь иди туда, подруга, и когда сядешь в автобус, занимай место впереди, а не сзади! Задние места – это «бэдсвиль». Держись оттуда подальше. Если кто-то тебе предложит сигареты или напитки, отказывайся, напитки бери в автомате. Будь такой, как сейчас. Непроницаемой. – Он обнял себя, показывая мне жестом. – И когда ты доберешься до места, там будет солнечно и всегда безоблачно, хорошо? Не спрашивай, почему я уверен, но это так. У меня свои методы, с помощью которых я многое узнаю о вас, девчонках. Теперь иди. – Он перегнулся через меня и толчком открыл дверь.

От него пахло клубничными сигарами «Свишер Свитс» и теплым молоком – ароматами улицы и дома.

Я глубоко вдохнула его запах, на тот случай, если он – последнее хорошее, что случилось со мной на долгое время вперед, потом я вылезла из фургона, волоча за собой чемодан Луизы, с рюкзаком за плечами.

Глава 2

Я сделаю все в этом мире Господа Всемогущего, Если ты просто позволишь мне пойти с тобой.

Боб Дилан. «Детка, позволь мне пойти с тобой»

Автобус – это гигантский громыхающий монстр, наполненный печалью и спертым воздухом. В каждом городе он выплевывал нас на двадцать минут, не важно, сколько до него было ехать, везде все одинаково: закусочная, круглосуточный магазин, грязные туалеты, мусор в раковинах. Я спрятала деньги, которые дал мне Винни, глубоко в карманы. Покупала только шоколадные батончики, газировку, соленые чипсы и один раз сэндвич с яичным салатом со сроком годности, замазанным черными чернилами. Ощущение вкуса шоколада во рту было для меня вспышкой счастья.

Я не разговаривала с людьми, сидевшими рядом со мной. Они заходили, приносили с собой запах сигарет или грязи, и потом выходили на следующей остановке. В Канзасе посреди ночи автобус сломался. Это был городок, где Рождество задержалось до середины мая. В темных витринах висели выцветшие гирлянды, а в окне заправочной станции мигали разноцветные огни. Женщина, находившаяся рядом со мной, опустила подбородок в искусственный мех пальто и бормотала «Благослови нас Бог», пока мы выходили, пошатываясь, из автобуса и робко стояли на парковке возле заколоченной досками закусочной. Мужчины, сидевшие сзади в автобусе, просто вынесли свою игру в наперстки и устроились в переулке, пока водитель расхаживал вперед-назад и ждал помощи. Я сидела на обочине, вдали от всех, мне было все еще жарко в полупальто. На билете написано, что мы проедем через шесть штатов, прежде чем достигнем Аризоны, и что это займет один день, двадцать один час и сорок пять минут. Водитель сказал, что не знает, как долго ждать другого автобуса.

Я посмотрела на деньги, которые мы с Эллис заработали, и заплакала в кабинке туалета. Теплые слезы лились на воротник пальто. Я наконец еду куда-то, возможно, там будет лучше, но ее со мной нет, и это больно. Все опять причиняло мне боль, острую и пугающую, вместе с моей отталкивающей кожей. Я просто старалась думать о Майки, о том, как с ним будет хорошо, и, возможно, на этот раз мы станем чем-то большим, чем просто друзья.

Мы прибыли на место посреди ночи. Внезапный ободряющий крик водителя «Ту-саааан» наполнил автобус, и несколько пассажиров спросонья подпрыгнули. Я встала в сонную вереницу людей, неуверенно выходящих из автобуса в теплый туманный воздух.³

Некоторых пассажиров встречали, и я смотрела на поцелуи и объятия. Меня никто не встречал, поэтому я достала конверт от Майки, чтобы не чувствовать одиночества.

В автобусе я перечитала его письмо несколько раз, просто чтобы напомнить себе, что все происходит в реальности, что я действительно выкарабкиваюсь со дна.

«Чарли!

Все будет хорошо, я обещаю. Прости, что уеду на некоторое время, ты пока побудешь одна. Не волнуйся, квартирная хозяйка классная, она художница, я ее предупредил, что ты приедешь. Ее зовут Ариэль, и если тебе что-то понадобится, попроси ее. Твоя мама сказала, что передаст тебе немного денег, поэтому проблем с едой у тебя не возникнет. Прилагаю адрес моей квартиры и карту, чтобы ты знала, где купить продукты и прочее. Чарли, не могу дождаться момента, когда увижу тебя.

Майк».

³ Тусон – название города, здесь игра слов, Тусон созвучно с «to sup» – к солнцу. В штате Аризона засушливый и жаркий климат.

Сейчас я стояла, прижав бумагу к лицу, на тот случай, если от нее пахнет Майки и я смогу его почувствовать и остановить бешеное сердцебиение, но запаха не было. Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Я посмотрела на карту, пытаюсь разобраться, где я нахожусь, куда идти и что означают стрелки, нарисованные Майки. Улицы были пусты, но я не падала духом.

Эван всегда говорил, что бояться надо не того, что ты не можешь увидеть, а того, что прямо перед тобой, на самом видном месте.

Я начала скрежетать зубами, пока шла по подземному переходу, стараясь не думать о той ночи. Ручка чемодана Луизы вонзалась мне в ладонь. Пальто было слишком толстое для такой погоды. Я вспотела, но не хотела останавливаться, чтобы снять его. Я прошла мимо множества небольших баров и магазинов. Здесь небо напоминало плотную, темную ткань, прошитую стежками тусклых белых звезд, – хотелось до него дотронуться.

Указания Майки заняли три листа. «Ты увидишь дом с целой стаей ОГРОМНЫХ серебристых птиц во дворе. 604Е. Девятая стрит. Она живет в квартале Пай Аллен. Мой гостевой дом фиолетового цвета находится сзади. Используй желтый велосипед и замок. Ариэль оставила их для тебя. Ключ от двери под желтым горшком».

Я подумала, что это не похоже на птиц, но они светились и сверкали в ночном воздухе, расправив сильные крылья. Гостевой дом находился позади. Я нашла ключ под горшком. Желтый велосипед с корзинкой из ивы, которая выглядела как новая, был пристегнут к столбу, к которому крепилась бельевая веревка. Я открыла дверь ключом и на ощупь нашарила выключатель на стене, моргая от внезапного яркого света. Внутри стены тоже были выкрашены в фиолетовый цвет.

Я совершенно не представляла, что мне делать. Дома ли квартирная хозяйка? Она слышала, как я приехала?

Здесь не было импульсных ламп. Не было бескрайнего бежевого коврового покрытия. Ни плачущих девушек. Ни тайной комнаты.

Я была одна. В первый раз за долгие-долгие месяцы я совершенно одна. Ни Эвана, ни Дампа, ни Каспер, нет даже раздражающей Айсис. Всего на мгновение булавоочные уколы паники пронзили меня: если что-то случится со мной до того, как приедет Майки, кто узнает об этом? Кому будет не все равно? На мгновение я вернулась туда, в те страшные дни на улице, еще до того, как встретила Эвана и Дампа, когда каждый день сердце бешено колотилось и ночи превращались в года. В ожидании света я подпрыгивала от каждого звука, пыталась найти безопасное место, чтобы спрятаться.

Можно быть одной, и можно быть в одиночестве. Это совсем разные вещи.

Дыши, Чарли. Просто дыши, как учила Каспер. Я просунула пальцы под пальто и ущипнула себя за бедра, надеясь, что боль вернет меня к реальности. Постепенно паника утихла.

В желудке громко заурчало. Я обрадовалась, что у меня появилось дело, на котором можно сосредоточиться – разведать, что находится в мини-холодильнике, расположенном в углу. Там лежало несколько бутылок воды и мягкие бананы. Я съела банан, очень быстро выпила бутылку воды. Еще там нашлись два куска пиццы в маленькой картонной коробке. Она оказалась абсолютно безвкусной и жесткой и крошилась, когда я заталкивала ее в рот, но мне было все равно. Я очень проголодалась. Потихоньку паника угасала, меня охватило утомление, занимая ее место.

Квартал замер. Который сейчас час? В углу стоял большой чемодан, и я подвинула его к двери, просто на всякий случай. Все тело ныло после путешествия в автобусе, в ногах ощущалась слабость.

Я выключила свет. Даже сейчас, когда мое тело покрыто потом, я оставалась в пальто. Снять его – значит почувствовать себя еще более слабой в этот момент. Мне был нужен маленький защитный панцирь – на всякий случай.

Я устроилась на футоне, на футоне Майки, на полу. Я ощутила, как события поднялись надо мной, исчезая в окружающей тишине. Больше не слышна печаль девушек, живущих через коридор. Проклятый Фрэнк очень-очень далеко, здесь его руки не дотянутся до меня. В моем рюкзаке есть немного денег. Тело становилось все легче и легче.

Сейчас наконец я почувствовала эту невесомость, после долгих месяцев борьбы, и она тянула меня глубже в пальто, в футон, в сон. Я зарылась лицом в подушку и почувствовала долгожданный запах Майки – что-то с ароматом корицы. Я вдыхала его как можно глубже, позволяя ему проникнуть в каждую мою трещинку и укачать меня в сон.

Когда я проснулась, солнечный свет пробивался через единственное окно гостевого домика. Я осторожно осмотрелась, снимая влажное пальто. Я провела почти два дня в автобусе, и от меня неприятно пахло.

Всего минута ушла на то, чтобы понять, что гостевой дом – всего лишь перестроенный гараж, небольшой, с дешевой отделкой: две двери у задней стены, выходящей на дорожку, неаккуратно спаяны друг с другом, квадратные окна на дверях закрыты короткими шторами синего цвета. Кухня – это просто раковина в столешнице над старым металлическим столом с ящиками.

На потолке висел вентилятор, а на одной из стен – кондиционер. Пол цементный, а ванная – старый санузел с унитазом и пластиковая душевая кабина.

Я выползла из кровати и пробралась в ванную. Пописала, потом включила душ. Он начал бить струей, а потом выдавилась тонкая струйка. Я выключила его. Я еще не готова посмотреть вниз на себя и дотронуться до новых ран. Дотронувшись до них, я сделаю их более реальными. И шрамы все еще болели. Они будут болезненными еще очень-очень долго.

В Крили большинство из нас просто протирали мыльной мочалкой подмышки, задницы и щели, как называла их Айсис. Если кто-то хотел принять настоящий душ, то было необходимо присутствие санитарки, на случай, если будет попытка утопить себя в душе и тому подобное. И никто не хотел быть без одежды при зрителях, поэтому большинство выбирали другой вариант.

Я снова надела комбинезон и вышла из ванной, провела рукой по столешнице. Она была сделана из фанеры, покрытой глянцевой клеящейся пленкой Мод Подж, внизу под пленкой – открытки с изображением иностранных городов. Некоторые из них повернуты лицом вниз, неразборчивым почерком было написано: «А: Встречаемся у фонтана, любовь моя, в четыре часа, как в прошлом году». «А» – это, скорее всего, Ариэль, квартирная хозяйка Майки. Я рассмотрела открытки, изображения, неаккуратный почерк. Маленькая история прошла под моими пальцами.

Я разложила деньги, которые мы с Эллис заработали. «Я лечу через океан», – говорила Эллис, раскидывая руки и кружась по своей комнате. «Приземляюсь в Лондоне, Париже, Исландии, не важно». Все романтические места, по ее мнению, где она хотела бы жить. «Попивать небольшими глотками эспрессо на набережной Сены будет просто неземным ощущением, Чарли, вот увидишь».

Девятьсот тридцать три доллара, и только одна из нас выбралась живой. Полуживой.

Я долго смотрела на них не отрываясь, прежде чем засунуть назад под раковину, за невзрачную кофеварку, рассчитанную на одну чашку.

Мне нужно найти еду.

Когда я вышла во двор, солнце светило так ярко, что перед глазами поплыли пятна, поэтому я снова открыла дверь и нашла в ящике тумбочки солнечные очки в золотистой оправе с черными прожилками – девчоночьи очки, беспечно забытые; у Майки была девушка? У Майки сейчас есть девушка? В данный момент я не хотела думать об этом.

Карта, которую Майки нарисовал от руки, заполнена стрелками и надписями: «Круглая площадь Кей, три квартала →; Четвертая авеню (секонд-хенд, кафе, бар, еда, книги), шесть

кварталов ↑; университет, семь кварталов ←→». Мое лицо и руки начали гореть, пока я плелась по тротуару к площади Кей. Это странно, еще пару дней назад я была там, где слякоть и серое небо, а теперь я здесь без куртки, и повсюду солнце.

На площади Кей воздух прохладный; как будто я нырнула в чистый глубокий бассейн. У парня за прилавком огромные черные наушники на ушах. Он оторвал взгляд от толстой книги и посмотрел, как я брожу между полками, хватая бутылки, коробки с марлевыми салфетками, солнцезащитный крем, лейкопластырь, тюбики с кремом. В кондиционированном воздухе пот на лице быстро высыхал. Я чувствовала себя липкой и покрытой песком. Взяла стеклянную бутылку холодного чая из холодильника.

Мне нужно обновить запасы для моей аптечки на всякий случай. Я не хотела причинять себе боль; я хотела следовать советам Каспер, но аптечка мне все равно нужна.

Просто на всякий случай.

Я оплатила покупки, запихнув все в рюкзак.

На улице, на тротуаре, я развернула карту Майки. Там есть продуктовый магазин под названием «Фуд Конспираси», вверх по улице, и я направилась туда.

Это супермаркет, он выглядел дорого и практично, с приглушенной музыкой, льющей на потолок. Я стояла в растерянности – не знала, что мне нужно. Я никогда не обращала внимания на то, что готовил Майки, если он вообще готовил. Я смахнула в проволочную корзину коробку крекеров и кусок сыра «Пеппер джек».

Магазин гудел от деятельности. Две женщины, одетые как хиппи, щупали груши. Высокий парень накладывал в пластиковый контейнер в салат-баре. Я рылась голыми руками в мусорных баках, потом запихивала в себя картонного вкуса макароны с сыром, а теперь делаю покупки.

На кассе мне вдруг стало страшно, что не хватит денег. Я тратила то, что дал мне Винни. Посчитала ли я, сколько там было? Смотрела ли я на ценники той ерунды в моей корзине? Я забыла, сколько стоят продукты. И тут мне вспомнились слова Блю: «Не позволяй хлопьям сожрать тебя».

Хлопья пожирали меня. Они съедали меня заживо.

Неужели все смотрели, как я роюсь в карманах в поисках наличных? Да, смотрели. Мои пальцы затряслись. Я затолкнула еду в рюкзак, не дожидаясь сдачи.

На улице гул машин и людей звучал словно бензопила у меня в ушах. Я закрыла уши руками. «Не уплывайте, – говорила нам Каспер, когда мы начинали нервничать, когда давление в голове боролось с давлением в теле, и начиналось раздвоение личности. Не смейте уплывать. Оставайтесь со мной».

Я прошла слишком далеко в неверном направлении и остановилась в подземном переходе, слушая проносящиеся со свистом машины.

Асфальт пах мочой. Ботинки с хрустом давили битое стекло.

Он возвращался ко мне.

Проезжающие машины отбрасывали тусклые тени на стены с граффити. Сверху я была полностью укутана, пыталась уснуть, задыхалась от слизи в горле, а тело горело от жара. Я периодически болела все время, пока жила на улице. Теперь я знаю, что у меня была пневмония.

Его рука на моей ноге – это первое, что я почувствовала.

Я пыталась вспомнить: что говорила Каспер, что говорила Каспер.

«Остановиться. Оценить ситуацию. Дышать».

В переходе темно и холодно. Я зажала уши руками и закрыла глаза, задержав дыхание, потом выдохнула медленными волнами. По ногам дул теплый загазованный воздух от машин. Я сосредоточилась на этом. Постепенно жар стихал, звук пилы уплывал, воспоминания уходили...

Опустив руки, я повернула и прошла прямо несколько кварталов вверх к Четвертой стрит, проходя все, что было указано на карте Майки: «Дэйри Квин», кафе, где мужчины за столиками на тротуаре играют в игру с белыми шашками, бары, рестораны, винтажные магазины, книжный для феминисток. Я опять прошла слишком далеко и нужно было повернуть обратно... Наконец я добралась до Девятой стрит и уже почти бежала – настолько отчаялась дойти до фиолетового гостевого дома.

Я придвинула чемодан Майки к двери, чтобы не впускать к себе внешний мир.

Мне требовалось найти способ, чтобы утихомирить тьму внутри себя. Сначала я достала стеклянную бутылку с холодным чаем и выпила все залпом. Я нашла выцветшее полотенце для рук в крошечной ванной Майки и обернула его вокруг руки. Закрала глаза.

А потом разбила бутылку о цементный пол.

Тысячи маленьких осколков, прекрасных, таящих в себе небывалые возможности, сверкая, как птицы, разлетелись по цементному полу. Я выбрала самые длинные и толстые осколки, осторожно положила их в льняную ткань, в которую были завернуты мои фотографии. Снимки я засунула в пакет. Под раковиной у Майки стояли совок и ручная щетка. Я подмела остатки стекла и выбросила их в ведро.

Достала и наполнила свою аптечку: прижала рулоны с марлевыми салфетками, кремы, лейкопластырь, стекло, обернутое в ткань, рядом друг с другом, идеально ровно.

Пока это все, что мне нужно. Я должна знать, что у меня все есть, все наготове. Просто на всякий случай. Я не хотела себя резать. Правда не хотела. На этот раз я очень сильно хотела стать лучше.

Мне просто нужно, чтобы была аптечка. Это по какой-то причине давало мне чувство безопасности, даже если я знала, что нанесу себе вред. Каспер говорила, что надо дышать, что нужно купить эластичную ленту и перевязывать запястья каждый раз, когда я начинала паниковать или у меня возникало сильное желание порезать себя. И я обещала, обещала попробовать, но мы никогда не говорили о том, что случится или может случиться, если все это... не сработает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.